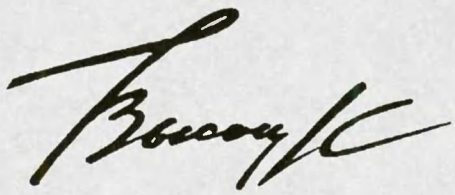
ф | амфора

ДИРЕКЦИЯ КИНО



ВЫСОЦКИЙ

я был душой дурного общества...



ВЫСОЦКИЙ



Я был душой дурного общества...

Ф | амфора Санкт-Петербург | 2012

УДК 882-1
ББК 84(2Рос-Рус)5
В 93

Редакционная коллегия:
Н. В. Высоцкий, С. В. Жильцов, А. В. Максимов, В. Б. Назаров, Е. А. Трофимов

Составление и комментарии П. Е. Фокина
Подготовка текста, научное консультирование и текстологические комментарии С. В. Жильцова

При составлении комментариев учтены воспоминания современников В. С. Высоцкого и наблюдения исследователей его творчества, зафиксированные в монографиях и научных публикациях, в частности в книгах: Живая жизнь. Штрихи к биографии Владимира Высоцкого / Сост. В. К. Перевозчиков. Вып. 1–3. М., 1988–1992; *Высоцкий В.* Я, конечно, вернусь... / Сост. Н. А. Крымова. М., 1988; Четыре четверти пути / Сост. А. Е. Крылов. М., 1988; Владимир Высоцкий в кино / Сост. И. И. Роговой. М., 1989; *Новиков В. И.* Высоцкий. М., 2002 (Серия «ЖЗЛ»); *Скобелев А. В.* «Много неясного в странной стране...». Вып. I. Ярославль, 2007; Вып. II. Воронеж, 2009; *Цыбульский М.* Планета Владимир Высоцкий. М., 2008; *Крылов А. Е., Кулагин А. В.* Высоцкий как энциклопедия советской жизни: Комментарий к песням поэта. М., 2010; *Перевозчиков В. К.* О Высоцком. Только самые близкие. М., 2011; Мир Высоцкого: Альманах. Вып. 1–6; и др., а также на сайтах «Владимир Высоцкий. Каталоги и статьи» http://v-vysotsky.narod.ru; «Миры Высоцкого» http://vv.mediaplanet.ru/index

В оформлении издания использованы фотографии А. Стернина, Л. Мончинского, И. Бахтина, С. Хмелева, Н. Керпача, В. Самойленко, Е. Щербиновской, Н. Посникова, Г. Дроздецкой, В. Ахлыпова, Н. Грановского, а также из архивов Государственного культурного центра-музея В. С. Высоцкого, Творческого объединения «Ракурс», А. Стернина, В. Туманова, копии автографов из фонда 3004 Российского государственного архива литературы и искусства и архива С. Жильцова, рисунки Д. С. Балдаева из книги Russian Criminal Tattoo Encyclopaedia, FUEL Publishing, плакаты В. Серова, А. Кокорекина, П. Соколова-Скали.
Издательство выражает благодарность за помощь в работе над книгой В. Туманову, И. Данилову, С. Алексееву, А. Кокановскому, И. Рахманову, Б. Акимову, А. Демидову, Damon Murray, Stephen Sorrell, Russian Criminal Tattoo Archive

Защиту интеллектуальной собственности и прав издательской группы «Амфора» осуществляет юридическая компания «Усков и Партнеры»

Высоцкий В.

В 93 Я был душой дурного общества... : [стихотворения] / Владимир Высоцкий ; [сост. и коммент. П. Фокина ; подгот. текста С. Жильцова]. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2012. — 127 с. : ил.

ISBN 978-5-367-02109-7

В сборник включены стихотворения В. Высоцкого в жанре городского романса и шансона.

УДК 882-1
ББК 84(2Рос-Рус)5

© Высоцкий В. С., наследники, 2011
© Дирекция Кино, 2011
© Балдаев Д. С. / FUEL, рисунки татуировок, 2011
© Оформление. ЗАО ТИД «Амфора», 2011

ISBN 978-5-367-02109-7

Содержание

I. Песни кромешного мира

Ленинградская блокада 10
Я в деле 12
Бодайбо 13
Город уши заткнул 14
Правда ведь, обидно 15
Не уводите меня из Весны! 16
Серебряные струны 18
«Я не пил, не воровал...» 20
Я был душой дурного общества 22
Зэка Васильев и Петров зэка 24
На одного 26
Мать моя — давай рыдать 28
Сивка-Бурка 30
Так люблю я стоять у дороги 31
За меня невеста 32
«Сколько лет, сколько лет...» 33
Эй, шофер! 36
За хлеб и воду 38
Я женщин не бил до семнадцати лет 40
Пика и черва 42
«Давно я понял — жить мы не смогли бы...» 45
Простите Мишку! 46
«У меня было сорок фамилий...» 48
Счетчик щелкает 50
Ребята, напишите мне письмо! 52
«Передо мной любой факир — ну просто карлик!..» 54
Уголовный кодекс 56
Несостоявшаяся свадьба 58
Песня про стукача 59
Формулировка 60
«Так оно и есть...» 62
Рецидивист 64
«Я любил и женщин, и проказы...» 66

«А в двенадцать часов...» 70
«Смех, веселье, радость...» 72
«В тюрьме Таганской нас стало мало...» 73
День рождения лейтенанта милиции в ресторане «Берлин» 74
«Я склонен думать, гражданин судья...» 76
«Здесь сидел ты, Валет...» 77
«Прошлое пусть останется только здесь, в Музее древностей» 78
«У нас вчера с позавчера шла спокойная игра...» 80
Банька по-белому 82
Банька по-черному 86
«Мне бы те годочки миновать...» 89
«Отпустите мне грехи...» 92
«Не однажды встречал на пути подлецов...» 94
«Не впадай ни в тоску, ни в азарт ты...» 95
Разбойничья 96
Побег «на рывок» 98
«Неужто здесь сошелся клином свет...» 101

II. Страдания

Татуировка 104
Красное, зеленое 106
Рыжая шалава 108
У тебя глаза как нож 110
Тот, кто раньше с нею был 112
«Люди говорили морю: „До свиданья"...» 114
Грустный романс 116
Наводчица 118
О нашей встрече 120
Блатная «цыганочка» 122
Книжка с неприличным названьем 124
«Катерина, Катя, Катерина!..» 126

У меня гитара есть — расступитесь, стены!
Век свободы не видать из-за злой фортуны!
Перережьте горло мне, перережьте вены,
Только не порвите серебряные струны!

Так поют сейчас наши народные поэты, действующие вопреки всей теории и практике насаждаемой сверху «народности», которая, конечно же, совпадает с понятием «партийности» и никого не волнует, никому не западает в память и существует в разреженном пространстве — вне народа и без народа... Песня пошла в обход поставленной между словесностью и народом неприступной, как в Берлине, стены и за несколько лет буквально повернула к себе родную землю. Традиции старинного городского романса и блатной лирики здесь как-то сошлись и породили совершенно особый, еще неизвестный у нас художественный жанр, заместивший безличную фольклорную стихию голосом индивидуальным, авторским, голосом поэта, осмелившегося запеть от имени живой, а не выдуманной России.

Андрей Синявский



I. Песни кромешного мира

Ленинградская блокада

Героическому Ленинграду

Я вырос в Ленинградскую блокаду,
Но я тогда не пил и не гулял,
Я видел, как горят огнем Бадаевские склады,
В очередях за хлебушком стоял.

Граждане смелые!
А что тогда вы делали,
Когда наш город счет не вел смертям?..
Ели хлеб с икоркою, —
А я считал махоркою
Окурок с-под платформы черт-те с чем напополам.

От стужи даже птицы не летали,
И вору было нечего украсть.
Родителей моих в ту зиму ангелы прибрали,
А я боялся — только б не упасть!

Было здесь до́ фига
Голодных и дистрофиков,
Все голодали, даже прокурор.
А вы в эвакуации
Читали информации
И слушали по радио «От Совинформбюро».

Блокада затянулась, даже слишком,
Но наш народ врагов своих разбил.
И можно жить как «у Христа за пазухой, под мышкой»,
Но только вот мешает бригадмил.

Я скажу вам ласково:
Граждане с повязками!
В душу ко мне лапою не лезь!
Про жизню вашу личную
И непатриотичную
Знают уже органы и ОБХСС.

<1961, до ноября>



Плакат, 1941

Песня написана в Ленинграде во время съемок фильма «713-й просит посадку». Во всех исполнениях последняя строка зафиксирована в варианте, позже исправленном автором: «Знают уже органы и ВЦСПС».

Из интервью А. С. Макарова, друга юности Владимира Высоцкого, В. К. Перевозчикову: «Володя часто просил меня рассказать о блокаде — и я рассказывал то, что знал».

Бадаевские склады — комплекс деревянных складских помещений, построены в Петрограде в 1914. После октября 1917 использовались для хранения запасов продовольствия. Названы в честь наркома пищевой промышленности А. Е. Бадаева (1883–1951). 8 и 10 сентября 1941 после налета немецкой авиации склады горели. Пожаром было уничтожено около 40 помещений, в которых находилось 3 тыс. тонн муки и 2,5 тыс. тонн сахара. Несмотря на то что на Бадаевских складах хранился продовольственный запас, способный обеспечить Ленинград в течение только трех дней, пожар в сознании ленинградцев прочно связался с последовавшим позже голодом во время блокады.

Окурок с-под платформы черт-те с чем напополам. — По указанию А. В. Скобелева табачный голод в блокадном Ленинграде начался уже в сентябре 1941. На Первой Ленинградской табачной фабрике имени Урицкого в табак и махорку в первое время добавляли табачную и махорочную пыль, потом остатки хмеля с прекративших работу пивоваренных заводов, сухие березовые, дубовые и кленовые листья, толченую древесную кору.

От стужи даже птицы не летали... — с конца ноября 1941 в Ленинграде установились суровые морозы, временами температура опускалась до −40°. К декабрю 1941 город оказался в ледяном плену. Улицы и площади занесло снегом, закрывшим первые этажи домов.





Карточка и хлеб
Ленинградской блокады

И вору было нечего украсть... — из статьи Б. П. Белозёрова «Криминальная обстановка в блокадном Ленинграде» («История Петербурга». 2004. № 5): «Начало 1942 года в Ленинграде в криминальном отношении было связано с ростом карманных краж и краж „на рывок", когда преступники вырывали у ослабевших людей сумки с хлебом и карточками. В уголовном розыске была создана специальная группа по борьбе с карманниками. Ее сотрудники „перекрывали" в основном крупные очереди за хлебом, выявляли подозрительных лиц, предупреждали действия преступников. За весь 1942 год было зарегистрировано 468 карманных краж».

До фига (*жарг.*) — очень много.



Бригадмил (сокращение от Бригады содействия милиции) — общественная организация в СССР, созданная для укрепления правопорядка в 1932. Действовали под непосредственным руководством местных органов милиции. В бригадмил принимались граждане СССР, достигшие 18 лет, по рекомендации партийных, комсомольских, профсоюзных, других общественных организаций. Были упразднены в конце 1950-х.

Граждане с повязками! — Члены бригадмил на рукавах носили отличительные повязки.

ОБХСС — Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности — отдел Главного управления милиции НКВД СССР, образованный по приказу наркома Н. И. Ежова 16 марта 1937 «для обеспечения борьбы с хищениями социалистической собственности в организациях и учреждениях государственной торговли, потребительской, промысловой и индивидуальной кооперации, заготовительных органах и сберкассах, а также для борьбы со спекуляцией». После войны главной задачей ОБХСС стало предотвращение хищений материальных средств, предназначенных для восстановления разрушенных городов и народного хозяйства. Просуществовал до февраля 1992.

ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов, орган профессиональных союзов СССР, осуществлявший руководство всей их деятельностью в промежутках между съездами профсоюзов СССР. Как заметил А. В. Скобелев, большинство законов и подзаконных актов советского государства формально принимались с участием профсоюзов, а в списке властных организаций и инстанций, перечисляемых через запятую, ВЦСПС оказывался неизменно последним, его добавляли к прочим с союзом «и».

Я в деле

Я в деле, и со мною нож.
И в этот миг меня не трожь!
А после — я всегда иду в кабак.
И кто бы что ни говорил,
Я сам добыл — и сам пропил,
И дальше буду делать точно так.

Ко мне подходит человек
И говорит: «В наш трудный век
Таких, как ты, хочу уничтожать!»
А я парнишку наколол —
Не толковал, а запорол, —
И дальше буду так же поступать.

А хочешь просто говорить —
Садись со мной и будем пить,
Мы все с тобой обсудим и решим.
Но если хочешь так, как он, —
У нас для всех один закон,
И дальше он останется таким.

<1961, до декабря>



Из выступления Владимира Высоцкого: «По молодости лет я писал тогда дворовые песни. Была какая-то тоска по нормальной человеческой интонации — у меня так навязла в ушах эта липкая интонация песен, которые исполняли со сцены под оркестр». (1970-е)

Из письма Владимира Высоцкого в Отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС В. И. Степакову 24 июня 1968: «За последнее время в нашей печати появились материалы, которые прямо или косвенно касаются моего творчества. Я имею в виду песни. 9 июня с. г. в газете „Советская Россия" напечатана статья, озаглавленная „О чем поет Высоцкий". Я не берусь спорить с авторами статьи об оценке моих песен. Это дело их вкуса, а также дело редакции. Тем более я не собираюсь оправдываться, ибо мои песни могут нравиться или не нравиться, как и любое другое произведение. Мне бы хотелось только указать на ряд, мягко говоря, неточностей. <...> Мои песни, к которым предъявляются претензии, написаны 6–7 лет назад и исполнялись в обществе моих друзей как шутки. Последние годы я не пою этих песен. Мне кажется, что такая серьезная редакция, как „Советская Россия", должна была бы сначала проверить факты, а затем уже печатать материалы».

В деле *(жарг.)* — во время совершения противоправных действий (грабеж, нападение, убийство и др.).

Наколол *(жарг.)* — обманул.

Запорол *(жарг.)* — зарезал.



Владимир Высоцкий в Бодайбо, 1976



В исполнении Дины Верни песня была записана на ее пластинку «Блатные песни» (PATHE MARCONI. EMI, 1975).

Из выступления Владимира Высоцкого: «Раньше меня часто спрашивали в письмах: „Сколько лет вы сидели?" Наверное, многие люди, услышав мои уличные песни и разные под них подделки, считали, что родился я в лагере и долго там жил, что здесь вот у меня — нож, вот тут — струйка крови, гитара сбоку растет и вообще — это „громадный, рыжего цвета человек". Сейчас вроде этот слух прошел: поняли, что не сидел или, во всяком случае, немного» (1970-е).

Бодайбо — город на правом берегу р. Витим, у впадения в нее р. Бодайбо, в 1100 км к северо-востоку от Иркутска. Основан в 1864 как приисковая Бодайбинская резиденция (склад грузов), обслуживающая Ленский золотопромысловый район, город — с 1925. С царских времен место ссылки и каторги.

...на короткий срок... — «Коротким» считался срок до 3 лет.

...я здесь добывать
Буду золото для страны. —
Как указывает А. В. Скобелев, добыча драгоценных металлов и камней находилась в СССР под контролем МВД, основную рабочую силу на приисках составляли заключенные. Так, например, в 1949 на долю МВД приходилось 100 процентов добычи платины, алмазов, более 90 процентов золота.

Бодайбо

Ты уехала на короткий срок,
Снова свидеться нам — не дай бог!
А меня в товарный — и на восток,
И на прииски в Бодайбо.

Не заплачешь ты и не станешь ждать,
Навещать не станешь родных.
Ну а мне плевать — я здесь добывать
Буду золото для страны.

Все закончилось, смолкнул стук колес,
Шпалы кончились, рельсов нет...
Эх бы взвыть сейчас! Жалко, нету слез —
Слезы кончились на́ семь лет.

Ты не жди меня. Ладно, бог с тобой!
А что туго мне — ты не грусти.
Только помни: не дай бог тебе со мной
Снова встретиться на пути!

Срок закончится, я уж вытерплю,
И на волю выйду — как пить!
Но пока я в зоне на нарах сплю,
Я постараюсь все позабыть.

Здесь леса кругом гнутся по́ ветру,
Синева кругом — как не выть!
Позади — семь тысяч кило́метров,
Впереди — семь лет синевы!..

<1961, до декабря>

Город уши заткнул

Город уши заткнул и уснуть захотел,
И все граждане спрятались в норы.
А у меня в этот час еще тысяча дел, —
Задерни шторы и проверь запоры!

Только зря — не спасет тебя крепкий замок,
Ты не уснешь спокойно в своем доме,
Потому что я вышел сегодня на скок,
А Колька Демин — на углу на стреме.

И пускай сторожит тебя ночью лифтер,
И ты свет не гасил по привычке, —
Я давно уже гвоздик к замочку притер,
Попил водички и забрал вещички.

Ты увидел, услышал... Как листья дрожат
Твои хилые, тощие мощи!
Дело сделал свое я — и тут же назад,
А вещи — теще в Марьиной Роще.

А потом — до утра можно пить и гулять,
Чтоб звенели и пели гитары!
И спокойно уснуть, чтобы не увидать
Во сне кошмары, мусоро́в и нары.

Когда город уснул, когда город затих, —
Для меня лишь начало работы.
Спите, граждане, в теплых квартирках своих.
Спокойной ночи! До будущей субботы!

<1961, до декабря>

Из выступления Владимира Высоцкого на концерте: «Я убежден, что разговоры, которые идут обо мне, что мои песни якобы вредны, несостоятельны. А что касается „блатных" песен, которые я писал в молодости, — их можно воспринимать как пародии или не пародии, но я считаю, что в них тоже ничего плохого нет, потому что они с юмором, о действительных отношениях людей, а то, что кто-то в них „сидит" или „не сидит", — не имеет значения».

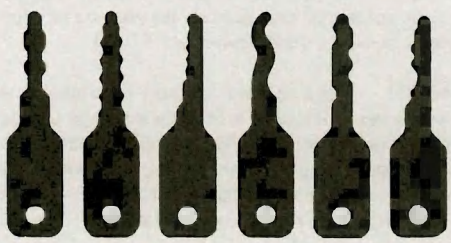
А у меня в этот час еще тысяча дел... — из книги В. Т. Шаламова «Очерки преступного мира» (1959): «Блатари говорят, что испытывают в момент кражи волнение особого рода, ту вибрацию нервов, которая роднит акт кражи с творческим актом, с вдохновением, испытывают своеобразное психологическое состояние нервного волнения и подъема, которое ни с чем нельзя сравнить по своей заманчивости, полноте, глубине и силе. <...>

Это воровское „вдохновение" очень далеко от человеческой смелости. Смелость — не то слово. Наглость самой чистой воды, наглость беспредельная, которую могут остановить только выставленные жесткие барьеры.

Никакой психологической нагрузки в виде душевных переживаний деятельность вора не имеет».

Вышел на скок (*жарг.*) — грабить квартиру.

На стреме (*жарг.*) — на охране.



Гвоздик к замочку притер (*жарг.*) — подобрал отмычку.

Марьина Роща — район на севере Москвы, славившийся в 1930–1950-е как место воровских притонов и укрытий.

Мусоро́ (*жарг.*) — милиционеры. От аббревиатуры МУС — Московский уголовный сыск, дореволюционное название управления по борьбе с преступностью в Москве.

Правда ведь, обидно

Правда ведь, обидно — если завязал,
А товарищ продал, падла, и за все сказал:
За давнишнее, за драку — все сказал Сашок,
И — двое в синем, двое в штатском, черный воронок...

До свиданья, Таня, а может быть, — прощай!
До свиданья, Таня, если можешь, — не серчай!
Но все-таки обидно, чтоб за просто так
Выкинуть из жизни напрочь цельный четвертак.

На суде судья сказал: «Двадцать пять! До встречи!..»
Раньше б горло я порвал за такие речи!
А теперь — терплю обиду, не показываю виду.
Если встречу я Сашка́, — ох как изувечу!

До свиданья, Таня, а может быть, — прощай!
До свиданья, Таня, если можешь, — не серчай!
Но все-таки обидно, чтоб за просто так
Выкинуть из жизни напрочь цельный четвертак!

<1962, до июля>

Завязать (*жарг.*) — покончить с криминальной жизнью.

Продал (*жарг.*) — выдал, дал показания.



И — двое в синем, двое в штатском, черный воронок... — два милиционера, два понятых и автомобиль для перевозки арестанта. До середины 1960-х в состав милицейской униформы входили синий китель и галифе. «Черным воронком» в народе назывался автомобиль ГАЗ-М-1, выпускавшийся на Горьковском автозаводе с 1936 по 1943. Машины этой модели черной раскраски использовались в 1930-е НКВД при арестах и стали символом репрессивных действий власти.

Выкинуть из жизни напрочь цельный четвертак. — При повторном осуждении по ряду статей назначался срок до 25 лет заключения.

Если встречу я Сашка́, — ох как изувечу! — Речь идет о встрече на зоне.

Не уводите меня из Весны!

Весна еще в начале,
Еще не загуляли,
Но уж душа рвала́ся из груди, —
И вдруг приходят двое
С конвоем, с конвоем:
«Оденься, — говорят, — и выходи!»

Я так тогда просил у старшины:
«Не уводите меня из Весны!»

До мая пропотели —
Все расколоть хотели,
Но — нате вам! — темню я сорок дней.
И вдруг, как нож мне в спину, —
Забрали Катерину,
И следователь стал меня главней.

Я понял, я понял, что тону, —
Покажьте мне хоть в форточку Весну!

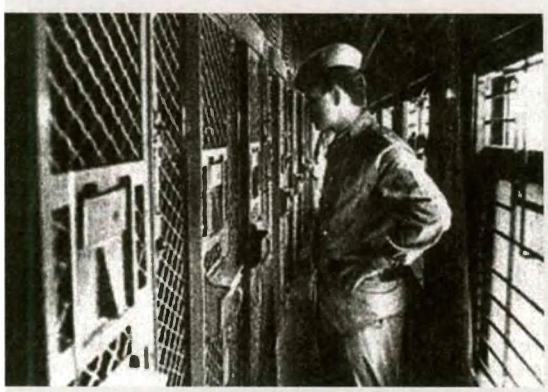
И вот опять — вагоны,
Перегоны, перегоны,
И стыки рельс отсчитывают путь,
А за окном — в зеленом
Березки и клены,
Как будто говорят: «Не позабудь!»

А с насыпи мне машут пацаны...
Зачем меня увозят из Весны!

Спросил я Катю взглядом:
Уходим? — Не надо! —
Нет, хватит: без Весны я не могу!
И мне сказала Катя:
«Что ж, хватит так хватит», —
И в ту же ночь мы с ней ушли в тайгу.

Из выступления Владимира Высоцкого: «Я не считаю, что мои первые песни были блатными, хотя там я много писал о тюрьмах и заключенных. Мы, дети военных лет, выросли все во дворах в основном. И конечно, эта тема мимо нас пройти не могла: просто для меня в тот период это был, вероятно, наиболее понятный вид страдания — человек, лишенный свободы, своих близких и друзей. Возможно, из-за этого я так много об этом писал, а вовсе не только о тюрьмах. А что, вы считаете, что совсем не стоит об этом писать?

Эти песни принесли мне большую пользу в смысле поиска формы, поиска простого языка в песенном изложении, в поисках удачного слова, строчки. Но поскольку я писал их все-таки как пародии на блатные темы, то до сих пор это дело расхлебываю. Я от них никогда не отмежевывался — это ведь я писал, а не кто-нибудь другой! И я, кстати, всегда пишу что хочу, а не по заказу. А в общем, это юность, все мы что-то делали в юности; некоторые считают, что это предосудительно, — я так не считаю. И простоту этих песен я постарался протащить через все времена и оставить ее в песнях, на которых лежит более сильная, серьезная нагрузка». (1970-е)



Арестантский «столыпинский вагон»

Конвой — вооруженное сопровождение арестанта.

Расколоть (*жарг.*) — получить признательные показания.

Темнить (*жарг.*) — уклоняться от признательных показаний.



Милицейские погоны

Как ласково нас встретила она,
Так вот, так вот какая ты, Весна!..

А на вторые сутки
На след напали, суки, —
Как псы, на след напали и нашли, —
И завязали, суки,
И ноги, и руки, —
Как падаль по грязи́ поволокли.

Я понял: мне не видеть больше сны!
Совсем меня убрали из Весны.

<июль 1962, до 13-го>



Владимир Высоцкий в фильме «Место встречи изменить нельзя»

Серебряные струны

У меня гитара есть — расступитесь, стены!
Век свободы не видать из-за злой фортуны!
Перережьте горло мне, перережьте вены,
Только не порвите серебряные струны!

Я зароюсь в землю, сгину в одночасье.
Кто бы заступился за мой возраст юный!
Влезли ко мне в душу и рвут ее на части —
Только б не порвали серебряные струны!

Но гитару унесли, с нею — и свободу.
Упирался я, кричал: «Сволочи! Паскуды!
Вы втопчите меня в грязь, бросьте меня в воду,
Только не порвите серебряные струны!»

Что же это, братцы! Не видать мне, что ли,
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?!
Загубили душу мне, отобрали волю...
А теперь порвали серебряные струны.

<1962, до 8 марта>



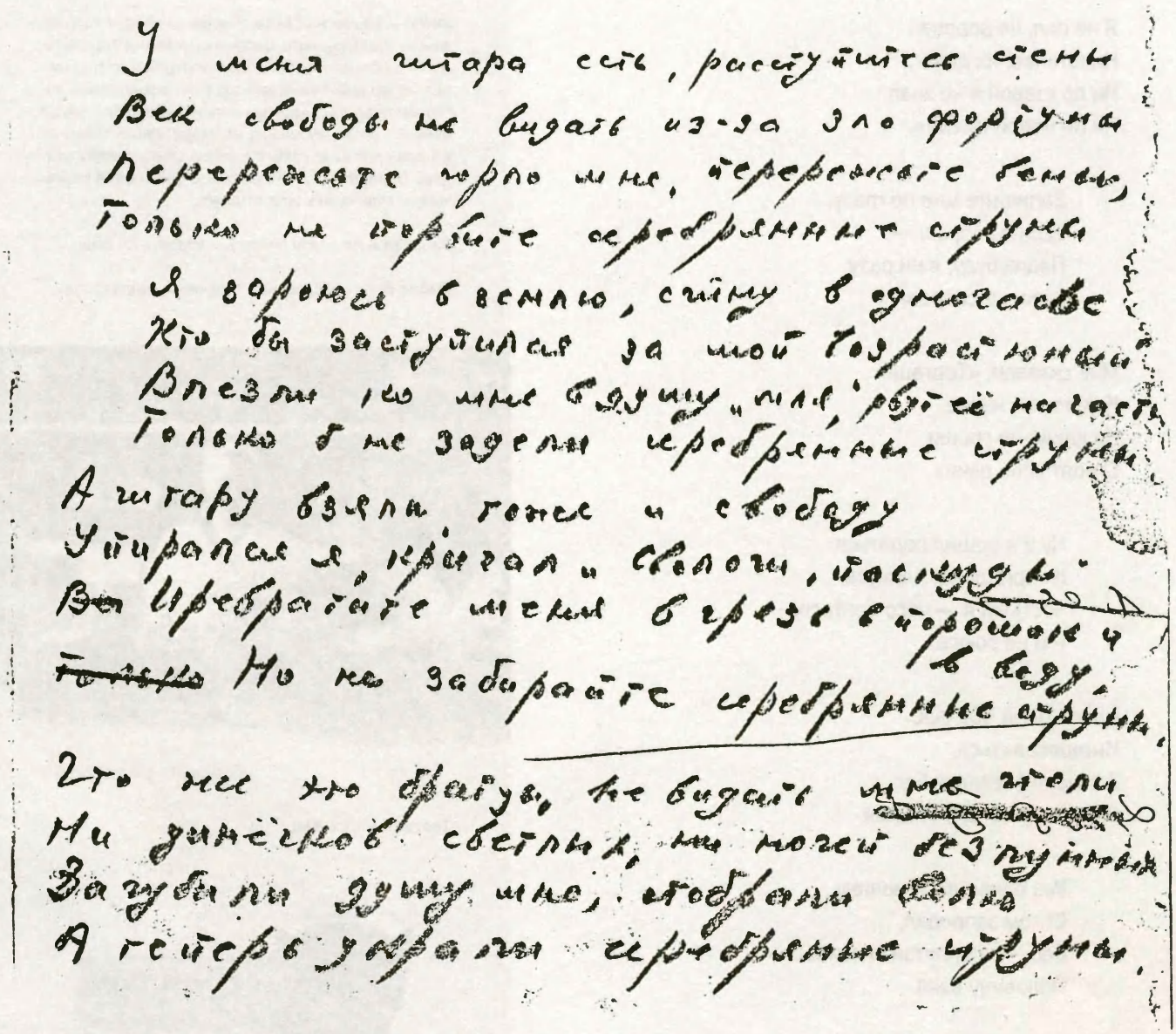
Из выступления Владимира Высоцкого: «А это любимая песня Олега Стриженова — „Серебряные струны"». (1965)

Из интервью А. С. Макарова, друга юности Владимира Высоцкого, В. К. Перевозчикову: «Бывал на Каретном и Олег Стриженов, который был большим приятелем Кочаряна. Не часто, но бывал... Это Олег сказал про одну девушку: „Она затронула серебряные струны моей души..."»

Олег Александрович Стриженов (р. 1929) — советский и российский актер театра и кино. Народный артист СССР (1988). Исполнитель главных ролей в фильмах «Овод» (1955), «Мексиканец» (1955), «Сорок первый» (1956), «Капитанская дочка» (1958), «Белые ночи» (1959), «Пиковая дама» (1960), «Оптимистическая трагедия» (1963), «Три сестры» (1964), «Неподсуден» (1969), «Звезда пленительного счастья» (1974) и др.

Из интервью барда Л. Г. Куксо М. Цыбульскому: «Кстати, Стриженов все говорил Володе: „Ну что ты хрипишь, как Армстронг? Ты что, не можешь нормально спеть?" Брал гитару и пел какую-нибудь Володину песню. Скажем, „В тот вечер я не пил, не пел..." Совершенно иначе у него получалось». (2007)

Век свободы не видать — воровская клятва (век воли не видать).



У меня гитара есть, расступитесь стены
Век свободы не видать из-за зло фортуны
Перережьте горло мне, перережьте вены,
Только не порвите серебряные струны

Я зароюсь в землю, сгину в одночасье
Кто бы заступился за мой возрастюный
Влезли ко мне в душу „мля", рвут её на части
Только б не задели серебряные струны

А гитару взяли тоже и свободу
Упирался я, кричал и сволочи, паскуды
~~Вы~~ Перебрайте меня в грязь в порошок и в воду
~~Только~~ Но не забирайте серебряные струны.

Что же это братцы, не видать мне чтоли
Ни динёсков светлых, ни ночей безлунных
Загубили душу мне, отобрали волю
А теперь украли серебряные струны.

Черновик песни «Серебряные струны»

***

Я не пил, не воровал
Ни штанов, ни денег,
Ни по старой я не знал,
Ни по новой «фене».

Запишите мне по глазу,
Если я соврал, —
Падла буду, я ни разу
Грош не своровал!

Мне сказали: «Торгаши
Как-то там иначе
На какие-то гроши
Строят себе дачи».

Ну и я решил податься
К торгашам... Клянусь,
Честный я — чего бояться! —
Я и не боюсь.

Начал мной ОБэХаэС
Интересоваться,
А в меня вселился бес
Очень страшный, братцы.

Раз однажды я малину
Оптом запродал,
Бес — проклятая скотина! —
Половину взял.

Бес недолго все вершил —
Все раскрыли скоро.
Суд приятное решил
Сделать прокурору...

Феня — воровской язык. Возник на основе тайного языка, придуманного русскими мелкими торговцами — офенями — для внутрикорпоративного общения. «Старая феня» использовалась в довоенной лагерной практике, «новая» возникла в ходе «сучьей войны», развернувшейся на территории ГУЛАГа во второй половине 1940-х с целью сбить с толку «гадов» (предателей). «Старая» и «новая» феня значительно отличались друг от друга.

Записать по глазу (*жарг.*) — ударить по лицу.

Падла буду — воровская присказка вроде клятвы.



Сельский магазин, 1960-е

Торгаш — торговец.



ОБэХаэС — правильно: ОБХСС.
(См. примечание к песне «Ленинградская блокада».)

И послали по Указу —
***Где всегда аврал.* —**
В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», граждане, совершившие соответствующее преступление, осуждались на работу в исправительно-трудовых лагерях на срок от 7 до 10 лет (при повторном осуждении — от 10 до 25 лет) с конфискацией имущества или без конфискации. Организация и ведение строительных работ в советское время, на которые обычно направлялись осужденные, в силу разного рода обстоятельств (материально-технических, политических и др.), как правило, носили авральный характер.

И послали по Указу —
Где всегда аврал.
Запишите мне по глазу,
Если я соврал!

Я забыл про отчий дом
И про нежность к маме,
И мой срок, как снежный ком,
Обрастал годами.

Я прошу Верховный суд,
Чтоб освободиться, —
Ведь жена и дети ждут
Своего кормильца!..

<1962, до июля>



Владимир Высоцкий в фильме «Место встречи изменить нельзя»

Я был душой дурного общества

Я был душой дурного общества,
И я могу сказать тебе:
Мое фамилье, имя, отчество
Прекрасно знали в КаГэБэ.

В меня влюблялася вся улица
И весь Савеловский вокзал.
Я знал, что мной интересуются,
Но все равно пренебрегал.

Свой человек я был у скокарей,
Свой человек — у щипачей,
И гражданин начальник Токарев,
падла Токарев
Из-за меня не спал ночей.

Ни разу в жизни я не мучился
И не скучал без крупных дел,
Но кто-то там однажды скурвился,
ссучился,
Шепнул, навел — и я сгорел.

Начальник вел себя невъедливо,
Но на допросы вызывал,
А я всегда ему приветливо
И очень скромно отвечал:

«Не брал я на душу покойников
И не испытывал судьбу,
И я, начальник, спал спокойненько,
И весь ваш МУР видал в гробу!»

Но дело не было отложено,
И огласили приговор.
И дали все, что мне положено,
Плюс пять мне сделал прокурор.

Из воспоминаний друга юности Высоцкого писателя А. С. Макарова: «Любопытно, что блатной мир считает Высоцкого „своим". Я не один раз общался с людьми, которые клялись и божились, что они вместе с Володей сидели. Хотя он никогда в таком „замазан" не был, но знал довольно серьезно и крепко людей из этого мира, хорошо знал. Некоторые из них очень любили его, и он их тоже, надо сказать. Но сам никогда ни в чем замешан не был».



Анна Ахматова

По рассказу Иосифа Бродского, впервые он услышал эту песню от Анны Ахматовой, которая, впрочем, скорее всего, считала ее фольклорной.

Мое фамилье, имя, отчество... — первые пункты анкеты протокола допроса.



КаГэБэ — КГБ — Комитет государственной безопасности, организован в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1951.

Савеловский вокзал — один из 9 железнодорожных вокзалов Москвы, в районе Бутырской заставы (первоначально назывался Бутырским). Обслуживает только пригородные направления. Построен по проекту А. С. Сумарокова. Торжественно открыт и освящен 10 (23 марта) 1902. Перестроен в 1987–1992.

Скокари (*жарг.*) — квартирные грабители.

Щипачи (*жарг.*) — воры-карманники.

Гражданин начальник — форма обращения заключенного к официальным лицам.

Скурвиться, ссучиться (*жарг.*) — измениться в худшую сторону, испортиться, предать.

Сгореть (*жарг.*) — быть арестованным.

Начальник (*жарг.*) — следователь.

МУР — Московский уголовный розыск, подразделение Главного управления внутренних дел г. Москвы.

Плюс пять мне сделал прокурор. — Т. е. пять лет поражения в правах, что в соответствии с УК РСФСР 1960 означало лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение воинских и других званий, а также орденов и медалей, почетных званий и почетных грамот.

А прокурор просил всей строгости... — т. е. максимальной меры наказания, «по всей строгости закона».

Мой адвокат хотел по совести —
За мой такой веселый нрав,
А прокурор просил всей строгости
И был, по-моему, неправ.

С тех пор заглохло мое творчество,
Я стал скучающий субъект.
Зачем мне быть душою общества,
Когда души в нем вовсе нет?

<1962, осень>



Зэка Васильев и Петров зэка

Сгорели мы по недоразумению:
Он за растрату сел, а я за Ксению, —
У нас любовь была, но мы расстались:
Она кричала и сопротивлялася.

На нас двоих нагрянуло ЧеКа,
И вот теперь мы оба с ним зэка —
Зэка Васильев и Петров зэка.

А в лагерях не жизнь, а темень-тьмущая:
Кругом майданщики, кругом домушники,
Кругом ужасное к нам отношение
И очень странные поползновения.

Ну, а начальству наплевать, за что и как.
Мы для начальства — те же самые зэка, —
Зэка Васильев и Петров зэка.

И вот решили мы — бежать нам хочется,
Не то все это очень плохо кончится:
Нас каждый день мордуют уголовники,
И главный врач зовет к себе в любовники.

И вот в бега решили мы, ну, а пока
Мы оставалися все теми же зэка —
Зэка Васильев и Петров зэка.

Четыре года мы побег готовили —
Харчей три тонны мы наэкономили,
И нам с собою даже дал половничек
Один ужасно милый уголовничек.

И вот ушли мы с ним, в руке рука.
Рукоплескали нашей дерзости зэка —
Зэка Петрову, Васильеву зэка.



Из шуточной постановочной фотосессии. У дома Савичей, 1970

В исполнении Нугзара Шариа песня была записана на его пластинку «NOUGZAR SHARIA. Songs of the soviet underground» (Collector Records, 1973. ФРГ).

Из интервью Л. В. Абрамовой, второй жены Владимира Высоцкого, В. К. Перевозчикову: «А почему он начал писать песни <...>? А что делать актеру, когда ему нечего играть? Что делать актеру с большой буквы — Великому Актеру, — когда ему нече-

И вот по тундре мы, как сиротиночки,
Не по дороге все, а по тропиночке.
Куда мы шли — в Москву или в Монголию, —
Он знать не знал, паскуда, я — тем более.

Я доказал ему, что запад — где закат,
Но было поздно: нас зацапала ЧеКа —
Зэка Петрова, Васильева зэка.

Потом — приказ про нашего полковника,
Что он поймал двух крупных уголовников,
Ему за нас — и деньги, и два ордена,
А он от радости все бил по морде нас.

Нам после этого прибавили срока,
И вот теперь мы те же самые зэка —
Зэка Васильев и Петров зэка.

<1962, до июля>

го играть? Он сам себе начал делать репертуар. То есть не то чтобы он делал его сознательно: „Дайка я сяду и напишу себе репертуар..." Так не было. А когда есть потребность себя высказать, а негде: в „Свиных хвостиках", что ли, или в „Аленьком цветочке"? <...> А кто бы ему написал такую пьесу, да еще гениальную, — про то, как шли в Монголию, про двух зэка? Кто? Да еще дал сыграть одного зэка, да другого, и повара с половничком?»

Сгорели мы... (*жарг.*) — попались.

ЧеКа — орган правопорядка.

Зэка — заключенный. От первоначального з/к — «заключенный каналоармеец», применялось к лагерникам-строителям Беломорско-Балтийского канала (1929–1932).

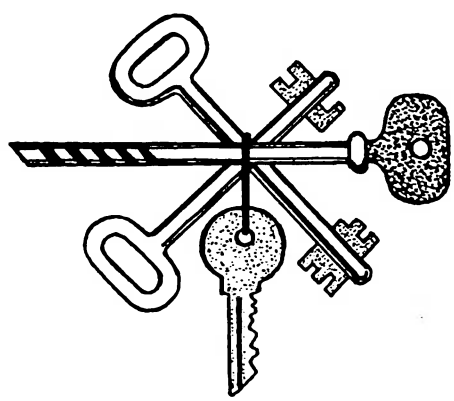
Майданщик (*жарг.*) или майданник — базарный вор, мошенник.

Домушник (*жарг.*) — квартирный вор.

Кругом ужасное к нам отношение... — Осужденные по статьям за служебное («за растрату») или бытовое («за Ксению») преступления заключенные по воровской номенклатуре находились на низшей ступени лагерной иерархии и подвергались притеснениям.

Монголия — пограничное с СССР государство в Центральной Азии.

Ему за нас — и деньги, и два ордена... — Судя по всему, речь идет о присвоении майору звания Героя Советского Союза, которое отмечалось двумя наградными знаками — «Золотой Звездой Героя» и орденом Ленина — и сопровождалось выплатой денежной премии. Такая высокая награда майора, возможно, связана с тем, что поимка персонажей песни была осуществлена в пограничной зоне и представлена в рапорте как задержание государственных шпионов. Впрочем, в песне говорится о квалификации их как «двух крупных уголовников» — должно быть, в качестве «воров в законе». Возможно и другое прочтение: два ордена — за каждого по одному.



Профессиональная татуировка квартирного вора. Рисунок Д. С. Балдаева из книги Russian Criminal Tattoo Encyclopaedia

На одного

Если б водка была на одного —
Как чудесно бы было!
Но всегда покурить — на двоих,
Но всегда распивать — на троих.
Что же — на одного?
На одного — колыбель и могила.

От утра и до утра
Раньше песни пелись,
Как из нашего двора
Все поразлетелись —
Навсегда, кто куда,
На долгие года.

Говорят, что жена — на одного,
Спокон веку так было.
Но бывает жена — на двоих,
Но бывает она — на троих.
Что же — на одного?
На одного — колыбель и могила.

От утра и до утра
Раньше песни пелись,
Как из нашего двора
Все поразлетелись —
Навсегда, кто куда,
На долгие года.

Сколько ребят у нас в доме живет,
Сколько ребят в доме рядом!
Сколько блатных мои песни поет,
Сколько блатных еще сядут —

Навсегда, кто куда,
На долгие года!

<1964, лето>

Из интервью Л. В. Абрамовой, второй жены Владимира Высоцкого, В. К. Перевозчикову: «Об этих ранних песнях, которые принято называть „блатной стариной", сейчас говорят, что это „точная стилизация", что он хорошо знал „этот язык" и похоже воспроизводил... Да ничего подобного! Он же это создавал! Там никакой стилизации нет — это блатные песни. А тот, кто так говорит, тот, во-первых, пытается зачеркнуть значение натурального блатного фольклора. А натуральный блатной фольклор тоже не воспевает ни жестокости, ни убийства — он тоже пытается оправдать этих людей.

Лирический герой народных блатных песен, о которых мы даже не знаем, кто их написал, — это тоже хороший одинокий человек, которого ждет страшная судьба. Все то же самое! И Володя нисколько не стилизует, не подражает. Он очень быстро, в один прием создает целый массив этого фольклора — и только так это можно понимать. Даже грешно противопоставлять Володины песни — натуральным блатным...

И Синявский очень серьезно относился к первым песням — за самую лучшую он держал „Если б водка была на одного...".

У Володи был плохой голос: диапазон маленький — что он из него сделал! То же самое, что он сделал из языка блатной песни. Там нет интеллигентных слов: „окурок с-под платформы" — это и написано на том языке, на котором они говорили. И не потому, что это было подражание или стилизация — это был Володин язык! И ничего плохого в этом нет! Дурак тот, кто этого не понимает!

Почему никто не вспоминает про Колю — племянника Нины Максимовны Высоцкой? А про Колю надо вспоминать — ведь он был такой чистейшей, такой ангельской души человек! Кристальнейшей чистоты, и ни в чем не повинный, а ведь он был осужден, сидел в лагерях, и очень много текстов песен, блатных песен, Володя знал от него. И Коля вернулся не потому, что его кто-то простил, — он был помилован как страшно больной человек. И нигде, ни в чем он не озлобился, никогда в жизни не ругал тех, кто его посадил... И тех, кто затащил его в дурацкую компанию — сторожить какую-то капусту, сворованную из ларька... Его это совершенно не озлобило. То есть мог человек окунуться туда, в эти круги ада, — и выйти таким же чистым, с такой же незапятнанной душой, с какой он туда попал...

Так откуда у Володи могли появиться мысли о том, что блатные песни — это воспевание зла и убийства? Да и в какой блатной песне и кто воспевает зло, хотела бы я посмотреть? И у Володи этого никогда не было.

Темперамент з а щ и т ы — он самое большое значение имеет в блатных песнях. И конечно, никогда в жизни Володя настоящего злого человека не оправдывал».



Владимир Высоцкий и Савелий Крамаров в фильме «На завтрашней улице»

Мать моя — давай рыдать

Все позади — и КПЗ, и суд,
И прокурор, и даже судьи с адвокатом.
Теперь я жду, теперь я жду,
куда, куда меня пошлют,
Куда пошлют меня работать за бесплатно.

Мать моя — давай рыдать,
Давай думать и гадать,
Куда, куда меня пошлют.
Мать моя — давай рыдать,
А мне ж ведь в общем наплевать,
Куда, куда меня пошлют.

До Воркуты идут посылки долго,
До Магадана — несколько скорей.
Но там ведь все, но там ведь все —
такие падлы, суки, волки,
Мне передач не видеть как своих ушей.

Мать моя — давай рыдать,
Давай думать и гадать,
Куда, куда меня пошлют.
Мать моя — давай рыдать,
А мне ж ведь в общем наплевать,
Куда, куда меня пошлют.

И вот уж слышу я: за мной идут.
Открыли дверь и сонного подняли.
И вот сейчас, вот прям сейчас
меня куда-то повезут,
А вот куда, опять, паскуды, не сказали.

Мать моя — давай рыдать,
Давай думать и гадать,
Куда, куда меня пошлют.
Мать моя — давай рыдать,



Плакат, 1949

Из комментариев Владимира Высоцкого: «Песня из уголовной жизни».

В исполнении Славы Вольного песня записана на его пластинку «SLAWA WOLNYJ. Gulag song» (EMI Electrola BF, 1974. ФРГ).

Мать моя — давай рыдать... — Из книги В. Т. Шаламова «Очерки преступного мира» (1959): «Есть одна-единственная женщина, которая не только ограждена от покушений на ее честь, но которая поставлена высоко на пьедестал. Женщина, которая поэтизирована блатным миром, женщина, которая стала предме-

том лирики блатарей, героиней уголовного фольклора многих поколений.

Эта женщина — мать вора. <...>

Мать — некий высокий идеал — в то же время нечто совершенно реальное, что есть у каждого. Мать, которая все простит, которая всегда пожалеет. <...> Но и это единственное якобы светлое чувство лживо, как все движения души блатаря.

Прославление матери — камуфляж, восхваление ее — средство обмана и лишь в лучшем случае более или менее яркое выражение тюремной сентиментальности».

КПЗ — камера предварительного заключения, место заключения при территориальных органах внутренних дел или органах пограничной охраны, предназначенное для временного содержания лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления.

Воркута — город в России, расположен на севере Республики Коми, на реке Воркута. Название города с ненецкого языка переводится как «медвежий угол». В советское время в Воркуте располагался крупнейший из лагерей ГУЛАГа — Воркутлаг. Численность заключенных в нем достигала 73 тыс. человек (1951). После реорганизации ГУЛАГа в Воркуте продолжали работать учреждения МВД. Местом ссылки город оставался вплоть до 1980-х.

Магадан — город и порт на северо-востоке Российской Федерации, административный центр Магаданской области. «Столица Колымского края»: в советское время один из крупнейших лагерей ГУЛАГа — Северо-Восточный исправительно-трудовой лагерь (Севвостлаг или УСВИТЛ).

А вот куда, опять, паскуды, не сказали. — При этапировании место пересылки заключенным не сообщалось.

Тьмутаракань — в данном случае собирательное название отдаленных, труднодоступных мест (по имени древнего города на Таманском полуострове на территории современной станицы Тамань Темрюкского района Краснодарского края Тмутаракань, упоминаемого в «Слове о полку Игореве»).

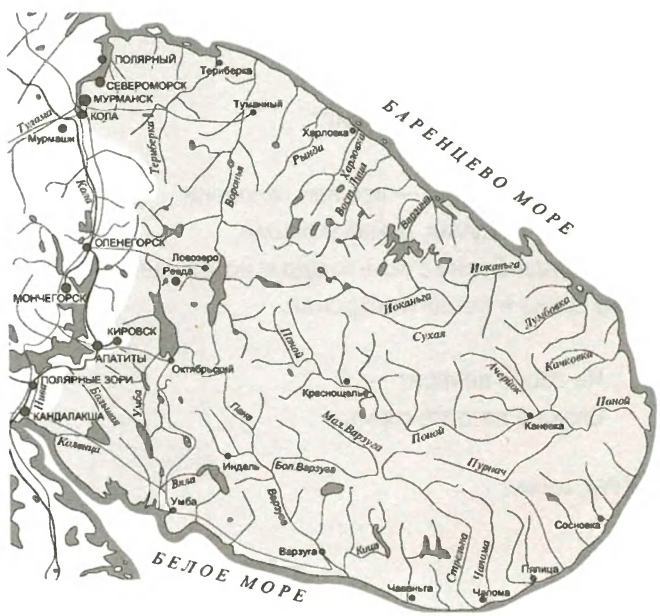
Кольский полуостров (Мурман) — полуостров на северо-западе европейской части России, в Мурманской области. Омывается Баренцевым и Белым морями. Площадь около 100 тыс. км². Место расположения многочисленных лагерей ГУЛАГа.

А мне ж ведь в общем наплевать,
Куда, куда меня пошлют.

И вот на месте мы — вокзал и брань,
Но, слава богу, хоть с махрой не остро.
И вот сказали нам, что нас
везут туда, в тьмутаракань —
Куда-то там на Кольский полуостров.

Мать моя опять рыдать,
Опять думать и гадать,
Куда, куда меня пошлют.
Мать моя, кончай рыдать,
Давай думать и гадать,
Когда меня обратно привезут!

<1964, осень>



Сивка-Бурка

Кучера из МУРа укатали Сивку,
Закатали Сивку в Нарьян-Мар!
Значит, не погладили Сивку по загривку,
Значит, дали полностью гонорар.

На дворе вечерит —
Ну а Сивка чифирит.

Ночи по полгода за полярным кругом.
И конечно, Сивка — лошадь — заскучал.
Обзавелся Сивка Буркой — закадычным другом,
С ним он ночи длинные коротал.

На дворе вечерит —
Сивка с Буркой чифирит.

Сивка — на работу: до седьмого поту
За обоих вкалывал, конь конем!
И тогда у Бурки появился кто-то —
Занял место Сивкино за столом.

На дворе вечерит —
Бурка с кем-то чифирит.

Лошади, известно, — все как человеки:
Сивка долго думал, думал и решал.
И однажды Бурка с кем-то вдруг исчез навеки —
Ну а Сивка в каторги захромал.

На дворе вечерит —
Сивка в каторге горит...

<1963, весна>

Из письма Владимира Высоцкого жене, Л. В. Абрамовой, со съемок фильма «На завтрашней улице» 15 июля 1964: «Никак, лапа, не посещает меня муза, — никак ничего не могу родить, кроме разве всяких двустиший и трехстиший. Я ее — музу — всячески приманиваю и соблазняю, — сплю раздетый, занимаюсь гимнастикой и читаю пищу для ума, но... увы — она мне с Окуджавой изменила. Ничего... это не страшно, все еще впереди. Достаточно того, что вся группа, независимо от возраста, вероисповедания и национальности, — распевает „Сивку-Бурку", „Большой Каретный" и целую серию песен о „шалавах". А Севка Абдулов получил письмо от геологов из Сибири, — они просят прислать тексты песен и говорят, что геологи в радиусе 500 км от них будут их распевать. Так что все в порядке, и скоро меня посадят как политического хулигана».

Сивка-Бурка — персонаж одноименной русской народной сказки, а также поговорки «Укатали Сивку крутые горки».

Гонорар — здесь: приговор.



Кружка для приготовления чифиря

Чифирить — пить чифирь, специфический тюремный напиток, приготовляемый путем заваривания концентрированной дозы черного чая (спичечный коробок на стакан кипятка).

За обоих вкалывал, конь конем! — На лагерном жаргоне «конь» — исправно работающий заключенный.

Лошади, известно, — все как человеки... — перифраз известных строк из стихотворения В. Маяковского «О хорошем отношении к лошадям» (1916): «...Все мы немного лошади, / Каждый из нас по-своему лошадь».



Владимир Высоцкий и Валерий Золотухин

Из интервью А. С. Макарова, друга юности Владимира Высоцкого, В. К. Перевозчикову: «К нам, на Каретный, приходили разные люди. Бывали и из „отсидки"... Они тоже почитали за честь сидеть с нами за одним столом. Ну, например Яша Ястреб! Никогда не забуду... Я иду в институт (я тогда учился в Литературном), иду со своей женой. Встречаем Яшу. Он говорит:

— Пойдем в шашлычную, посидим...

Я замялся, а он понял, что у меня нет денег...

— А-а, ерунда!

И вот так задирает рукав пиджака... А у него от запястьев до локтей на обеих руках часы! Они тогда дорого стоили. Я пошел проводить жену, а моя наивная супруга спрашивает:

— Артур, он что — часовщик?

— Часовщик, часовщик...

Так что не просто „блатные веянья", а мы жили в этом времени. Практически все владели жаргоном — „ботали по фене", многие тогда даже одевались под блатных; был тогда такой особый стиль „прохоря" — сапоги в гармошку, тельник, кепка-малокозырка...

Так что на Володю повлияли не только разговоры, не только то, что Лева с Юрой Гладковым иногда ездили на задержания, — повлияли живые люди! Мы были знакомы с такой знаменитой компанией „урки с Даниловской слободы"... Или, точнее, — евреи-урки с Даниловской слободы — профессиональные „щипачи"».

Бока (*жарг.*) — часы.

Так люблю я стоять у дороги

Позабыв про дела и тревоги
И не в силах себя удержать,
Так люблю я стоять на дороге —
Запоздалых прохожих пугать!

«Гражданин, разрешите папиросу!»
«Не курю. Извините, пока!»
И тогда я так просто, без спросу,
Отбираю у дяди «бока».

Сделав вид, что уж все позабыто,
Отбежав на полсотни шагов,
Обзовет меня дядя бандитом,
Хулиганом — и будет таков.

Если ж женщину я повстречаю —
У нее не прошу закурить,
А спокойно ей так замечаю,
Что ей некуда больше спешить.

Позабыв про дела и тревоги
И не в силах себя удержать,
Так люблю я стоять на дороге...
Только лучше б мне баб не встречать!

<весна 1963>



За меня невеста

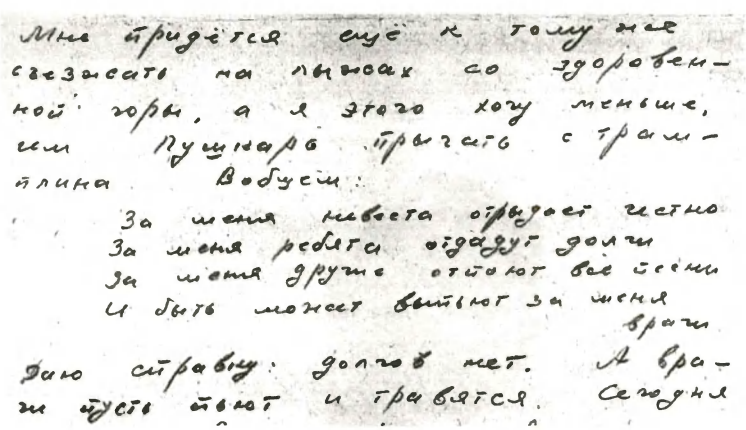
За меня невеста отрыдает честно,
За меня ребята отдадут долги,
За меня другие отпоют все песни,
И, быть может, выпьют за меня враги.

Не дают мне больше интересных книжек,
И моя гитара — без струны,
И нельзя мне выше, и нельзя мне ниже,
И нельзя мне солнца, и нельзя луны.

Мне нельзя на волю — не имею права,
Можно лишь — от двери до стены,
Мне нельзя налево, мне нельзя направо,
Можно только неба кусок, можно только сны.

Сны про то, как выйду, как замок мой снимут,
Как мою гитару отдадут.
Кто меня там встретит, как меня обнимут
И какие песни мне споют...

<1963, около 29 января>


Мне придётся ещё к тому же
сказать на лыжах со здоровен-
ной горы, а я этого хочу меньше,
чем Пушкин прыгать с гра-
нита. Вобуси:
За меня невеста отрыдает честно
За меня ребята отдадут долги
За меня другие отпоют все песни
И быть может выпьют за меня
враги
Дню стравлю: долгов нет. А вра-
ги пусть пьют и травятся. Сегодня

Фрагмент письма Владимира Высоцкого Людмиле Абрамовой со строфой песни «За меня невеста»

Из выступления Владимира Высоцкого: «Первые мои песни — это дань времени. Это были так называемые дворовые, городские песни, еще их почему-то называли блатными. Это такая дань городскому романсу, который к тому времени был забыт. Эти песни были бесхитростные, была, вероятно, в то время потребность в простом общении с людьми, в нормальном, неупрощенном разговоре со слушателями. На них обязательно были следы торопливости, это мои мысли, которые я привозил из своих поездок, а рифмовал их для простоты, чтобы не забыть. В каждой из первых песен была одна, как говорится, но пламенная страсть: в них было извечное стремление человека к свободе, к любимой женщине, к друзьям, к близким людям, была надежда на то, что его будут ждать. Помните эту песню: „За меня невеста отрыдает честно, за меня ребята отдадут долги..."? Это — о друзьях, это очень мне близко: я и сам в то время точно так же к дружбе относился, да и сейчас стараюсь. <...> Это тоже одна из прежних песен, песня лирическая. Я вот как раз о таких песнях говорил, когда говорил о прежних старых своих вещах». (1970)

Мне нельзя налево, мне нельзя направо... — перифраз конвойного правила в советских лагерях: «Шаг влево, шаг вправо — считается побег. Стрелять без предупреждения».



Автопортрет Александра Пушкина

Сны про то, как выйду, как замок мой снимут, Как мою гитару отдадут. —
Возможна параллель со стихотворением А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...» (1827):

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

* * *

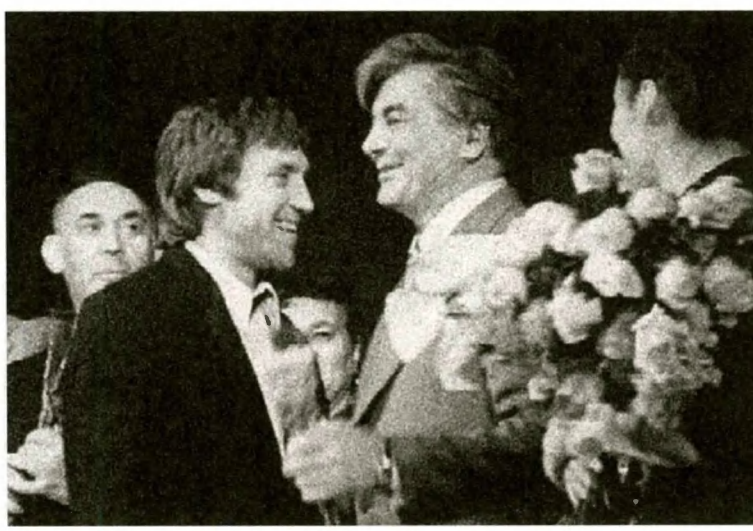
Сколько лет, сколько лет —
Все одно и то же:
Денег нет, женщин нет —
Да и быть не может.

Сколько лет воровал,
Столько лет старался!
Мне б скопить капитал,
Ну а я — спивался.

Ни кола ни двора
И ни рожи с кожей!..
И друзей — ни хера,
Да и быть не может.

Только — водка на троих,
Только — пика с червой...
Комом — все блины мои,
А не только первый.

<до октября 1964 — 1966>



Владимир Высоцкий и Юрий Любимов в Театре на Таганке

Из выступления Владимира Высоцкого: «Вы знаете, это очень странно, я вдруг недавно так обнаружил, что почему я стал продолжать писать. Потому что все, в общем, балуются немножко стихами в юности в ранней. Может быть, некоторые задерживаются в ней подольше и пишут стихи подольше. Потом наступает рубеж, который некоторые переступают. Тогда они продолжают писать стихи, или становятся поэтами, или графоманами, но во всяком случае продолжают писать. А некоторые отказываются от этого насовсем. Вот я думаю, почему не случилось так со мной? Я думаю, что из-за того, что мне страшно повезло, что я попал сразу в театр к Любимову. Потому что моментально стал использовать песни мои, чтобы они звучали в спектаклях. Очень это поддерживал на вечерах, всегда приглашал меня к себе <...>, у него, там, друзья его близкие: писатели, поэты, художники и так далее, и он всегда хотел, чтобы я пел, пел, пел <...> И я не знаю, я думаю, что из-за этого я продолжал. Мне как-то было неудобно, что вот я все время пою одно и то же. А я стеснялся петь блатные песни в таких компаниях, которых у меня к тому времени было больше, чем неблатных, или, там, как они называются, „городские" или „дворовые" и так далее. У меня было дворовых песен больше, чем недворовых. Я из-за этого продолжал писать. Мне хотелось каждый раз, когда я прихожу на какие-то наши вечера или когда мне предлагают что-то написать для спектаклей, не искать среди старого. Я стал просто продолжать, продолжать, продолжать писать. И вот, видимо, это больше всего подействовало на меня, что не оказались люди, рядом со мной работающие, безразличными к этому делу». (1980)

Ни кола ни двора... — из книги В. Т. Шаламова «Очерки преступного мира» (1959): «Не подлежит сомнению, что какая-то часть блатарей имеет семьи в своих родных городах, семьи, давно уже покинутые блатными мужьями. Жены их с малыми детьми сражаются с жизнью каждая на свой лад. Бывает, что мужья возвращаются из мест заключения к своим семьям, возвращаются обычно ненадолго. „Дух бродяжий" влечет их к новым странствиям, да и местный уголовный розыск способствует быстрейшему отъезду блатаря».

И ни рожи с кожей!.. — Перифраз поговорки «Ни рожи ни кожи».

Комом — все блины мои,
А не только первый. —
Перифраз поговорки «Первый блин комом».



Эй, шофер!

Посвящается Бутырке

«Эй, шофер, вези — Бутырский хутор,
Где тюрьма. Да поскорее мчи!»
«Ты, товарищ, опоздал, ты на два года перепутал —
Разбирают уж тюрьму на кирпичи».

«Очень жаль, а я сегодня спозаранку
По родным решил проехаться местам...
Ну да ладно, что ж, шофер, тогда вези меня в Таганку.
Погляжу — ведь я бывал и там».

«Разломали старую Таганку —
Подчистую, всю, ко всем чертям!..»
«Что ж, шофер, давай назад, крути-верти свою баранку,
Так ни с чем поедем по домам.

Или нет, сперва давай закурим,
Даже лучше — выпьем поскорей!
Пьем за то, чтоб не осталось по России больше тюрем,
Чтоб не стало по России лагерей!»

<весна, 1963>



Строительство нового здания Театра на Таганке

Из выступлений Владимира Высоцкого: «Московский Театр на Таганке, в котором я работаю, расположен на Таганской площади. Таганская площадь знаменита тем, что на ней раньше была тюрьма и театр. <...> Но театр был плохой, потому что в него ходили меньше даже, чем в тюрьму. Вот. И тюрьму сломали, а театр реорганизовали. <...> Когда ее сломали, мне было тогда совсем немного лет. <...> И я помню, я по поводу театра-то не знал, а по поводу тюрьмы даже написал <...> песню. <...> В общем, он тоскует по Таганке, — этот самый человек, — где он бывал раньше. <...> Но эта песня тоже теперь устарела, потому что есть зачем ехать на Таганскую площадь теперь». (1970-е)

Бутырский хутор — здесь: Бутырская тюрьма (следственного изолятора № 2) в г. Москве, по названию района близ Марьиной Рощи и Савеловского вокзала. Однако сама тюрьма расположена в другом

месте — ул. Новослободская, д. 45, на территории бывших казарм Бутырского гусарского полка, переоборудованных в 1771 в тюрьму. Вопреки содержанию песни, Бутырская тюрьма не подвергалась разрушению и является действующим объектом Управления исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве.



Таганская тюрьма

Таганка — разговорное название Таганской тюрьмы, построенной по указу Александра I в 1804 близ Таганской площади (Малые Каменщики, д. 16). Первоначально в ней содержались только уголовные преступники, с конца XIX в. — и политические. Основная функция — «рабочий дом с лишением свободы». В тюрьме были мастерские: портновские, слесарно-кузнечно-механические, токарные, переплетные и типография. Здания Таганской тюрьмы были разобраны в 1958. Перед сломом Таганская тюрьма представляла собой кирпичное, желтого цвета шестиэтажное здание, внутри которой шли галереи, огороженные металлическими сетками. Над большими воротами висела вывеска: «МВД СССР. ВОСЬМОЕ УПРАВЛЕНИЕ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТАГАНСКАЯ ПЕРЕСЫЛЬНАЯ ТЮРЬМА».



Владимир Высоцкий в фильме «Карьера Димы Горина», 1961

За хлеб и воду

Мы вместе грабили одну и ту же хату,
В одну и ту же мы проникли щель,
Мы с ними встретились, как три молочных брата,
Друг друга не видавшие вообще.

За хлеб и воду, и за свободу
Спасибо нашему советскому народу!
За ночи в тюрьмах, допросы в МУРе
Спасибо нашей городской прокуратуре!

Нас вместе переслали в порт Находку.
Меня отпустят завтра. Пустят завтра их.
Мы с ними встретились, как три рубля на водку,
И разошлись — как водка — на троих.

За хлеб и воду, и за свободу
Спасибо нашему советскому народу!
За ночи в тюрьмах, допросы в МУРе
Спасибо нашей городской прокуратуре!

Как хорошо устроен белый свет!
Меня вчера отметили в приказе —
Освободили раньше на пять лет,
И подпись: «Ворошилов, Георгадзе».

За хлеб и воду, и за свободу
Спасибо нашему советскому народу!
За ночи в тюрьмах, допросы в МУРе
Спасибо нашей городской прокуратуре!

Да это ж математика богов! —
Меня ведь на двенадцать осудили,
У жизни отобрали семь годов,
И пять — теперь обратно возвратили.

В народной песне из раннего репертуара Владимира Высоцкого были такие строчки:

> Рано утром проснешься и раскроешь газету, —
> На последней странице золотые слова.
> Это Клим Ворошилов даровал нам свободу,
> И теперь на свободе будем мы воровать.
>
> Рано утром проснешься, на поверку построют,
> Вызывают: «Васильев!» — и выходишь вперед.
> Это Клим Ворошилов и братишка Буденный
> Даровали свободу, и их любит народ.

Хата (*жарг.*) — квартира.



Находка — город в Приморском крае России. Расположен на берегах залива Находка Японского моря, в 171 км юго-восточнее Владивостока, самый южный город на востоке России.



...как три рубля на водку... — Цена пол-литровой бутылки водки в СССР в течение долгих лет составляла сначала 2 руб. 87 коп., позже — 3 руб. 62 коп.



...как водка — на троих. — Из-за отсутствия необходимого количества денег бутылка водки часто покупалась в складчину на троих (по рублю с человека; один рубль составлял средний дневной бюджет рабочего человека).

Меня вчера отметили в приказе —
Освободили раньше на пять лет... —
Речь идет об амнистии 1957 в ознаменование 40-й годовщины Октябрьской революции, в результате которой на свободу вышли 200 тысяч заключенных.

И подпись: «Ворошилов, Георгадзе». — Подписи на Указах Президиума Верховного Совета СССР.

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) — советский партийный, военный и государственный деятель. Маршал Советского Союза (1935). С марта 1953 по май 1960 — председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Георгадзе Михаил Порфирьевич (1912–1982) — советский партийный и государственный деятель, с февраля 1957 до конца жизни — секретарь Президиума Верховного Совета СССР.

За хлеб и воду, и за природу
Спасибо нашему советскому народу!
За ночи в тюрьмах, допросы в МУРе
Спасибо нашей городской прокуратуре!

<весна 1963>



Я женщин не бил до семнадцати лет

Я женщин не бил до семнадцати лет,
В семнадцать ударил впервые.
С тех пор на меня просто удержу нет:
Направо-налево
я им раздаю «чаевые».

Но как же случилось, что интеллигент,
Противник насилия в быте,
Так низко упал я и в этот момент,
Ну, если хотите,
себя осквернил мордобитьем?

А было все так: я ей не изменил
За три дня ни разу, признаться,
Да что говорить, я духи ей купил! —
Французские, братцы,
за тридцать четыре семнадцать.

Но был у нее продавец из тэжэ —
Его звали Голубев Слава,
Он эти духи подарил ей уже...
Налево, направо
моя улыбалась шалава.

Я был молодой, и я вспыльчивый был —
Претензии выложил кратко,
Сказал ей: «Я Славку вчера удавил.
Сегодня ж, касатка,
тебя удавлю для порядка!»

Я с дрожью в руках подошел к ней впритык,
Зубами стуча «Марсельезу»,
К гортани присох непослушный язык, —
И справа и слева
я ей основательно врезал.

Я женщин не бил до семнадцати лет... — из книги В. Т. Шаламова «Очерки преступного мира» (1959): «В моральном кодексе блатаря, как в Коране, декларировано презрение к женщине. Женщина — существо презренное, низшее, достойное побоев, недостойное жалости».



Французские, братцы,
за тридцать четыре семнадцать. —
Возможно, речь идет о популярной марке духов «Манон», разработанной в 1936 французским парфюмером Августом Мишелем для «ТЭЖЭ» и просуществовавшей до 1970-х.

«ТЭЖЭ» — «Государственный трест высшей парфюмерии жировой и костеобрабатывающей промышленности» (1925–1956) и сеть парфюмерных магазинов в Москве. Один из наиболее популярных магазинов сети «ТЭЖЭ» (№ 11) располагался в здании гостиницы «Москва».

Шалава (*жарг.*) — подруга вора, женщина легкого поведения. Из интервью А. С. Макарова, друга юности Владимира Высоцкого, В. К. Перевозчикову: «Но в этом не было ничего оскорбительного. Шалава — это было почетное наименование, это еще надо было заслужить».


НАРКОМПИЩЕПРОМ СССР

ГЛАВПАРФЮМЕР

ПРИ ГОСТИНИЦЕ „МОСКВА" НАХОДИТСЯ

ОБРАЗЦОВО-ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО ОФОРМЛЕННЫЙ

Магазин „Т Э Ж Э"

(Охотный ряд, здание гостиницы „Москва", тел. К2-18-65)

ОДЕКОЛОН, ДУХИ „КРЫМСКАЯ РОЗА",
МЫЛО „РОНДО", ПУДРА „ДЕВИЗ"

МАГАЗИН ОБОРУДОВАН ПО ПОСЛЕДНЕМУ СЛОВУ ТЕХНИКИ.

При магазине имеется косметический кабинет с бесплатной консультацией по всем вопросам ухода за кожей.

«Марсельеза» (*фр.* Marseillaise, букв. марсельская) — революционная песня, написанная Руже де Лилем в 1792, певшаяся первоначально марсельскими солдатами и ставшая впоследствии гимном Франции. Текст «Марсельезы» (мелодия К. Ж. Руже де Лиля, текст П. Л. Лаврова) был хорошо знаком советским людям — сразу после революции «Марсельеза» ненадолго (1917–1918) стала гимном Советской России и впоследствии занимала одно из высших мест в рейтинге революционных песен СССР:

Отречемся от старого мира!
Отряхнем его прах с наших ног!..

С тех пор все шалавы боятся меня,
И это мне больно, ей-богу!
Поэтому я, не проходит и дня,
Бью больно и долго,
но всех не побьешь — их ведь много.

Пусть мой профсоюз осуждает меня! —
Хотят, чтоб дошел я до моргу, —
Мне выговор дали, но как-то на днях
За это решенье
я вдарил по морде профоргу.

1963, до 22 июня



Татуировка встретившего совершеннолетие в местах лишения свободы. Рисунок Д. С. Балдаева из книги Russian Criminal Tattoo Encyclopaedia

Пика и черва

Помню, я в «буру», в «очко», и в «стос» тогда играл,
С кем играл — не помню этой стервы.
Я ему тогда двух сук из зоны проиграл.
Зря пошел я в пику, а не в черву!

Я сначала точно — всю колоду стасовал,
А потом — не выдержали нервы...
Он рубли с Кремлем кидал, а я слюну глотал.
Зря пошел я в пику, а не в черву!

Руки задрожали, будто кур я воровал,
Будто сел играть я в самый первый...
Он сперва для понта мне полсотни проиграл.
И пошел я в пику, а не в черву!

Ставки повышались, все шло слишком хорошо,
Я был белый, он был просто — серый,
Он поставил на кон этих двух, — и я пошел!
И пошел я в пику, а не в черву.

Завязать бы сразу мне, а я не уходил
И к тому же сделал ход неверный...
Делать было нечего — и я его пришил.
Зря пошел я в пику, а не в черву!

<осень 1964>

Помню, я в «буру», в «очко», и в «стос» тогда играл... — из книги В. Т. Шаламова «Очерки преступного мира» (1959): «Карты занимают очень большое место в жизни блатаря.

Не все блатные играют в карты запоем, как „больные", проигрывая в сражении последние брюки. Проиграться так — не считается позором.

Однако умеют играть в карты все блатари. Еще бы. Уменье играть в карты входит в „рыцарский кодекс" „человека" блатного мира. <...>

Блатной мир — косный мир. Сила традиций в нем очень сильна. Поэтому в этом мире удержались игры, которые давно исчезли из обыкновенной жизни. Статский советник Штосс из гоголевского „Портрета" в блатном мире до сих пор — реальность. Игра столетней давности „штосс" получила другое, лексически более подвижное название „стос". <...> В „стос" должен уметь играть каждый блатарь. <...>

Второй игрой — первой по распространенности — является „бура" — так называется блатарями „тридцать одно". Схожая с „очком", бура осталась игрой блатного мира. В „очко" воры не играют между собой. <...>

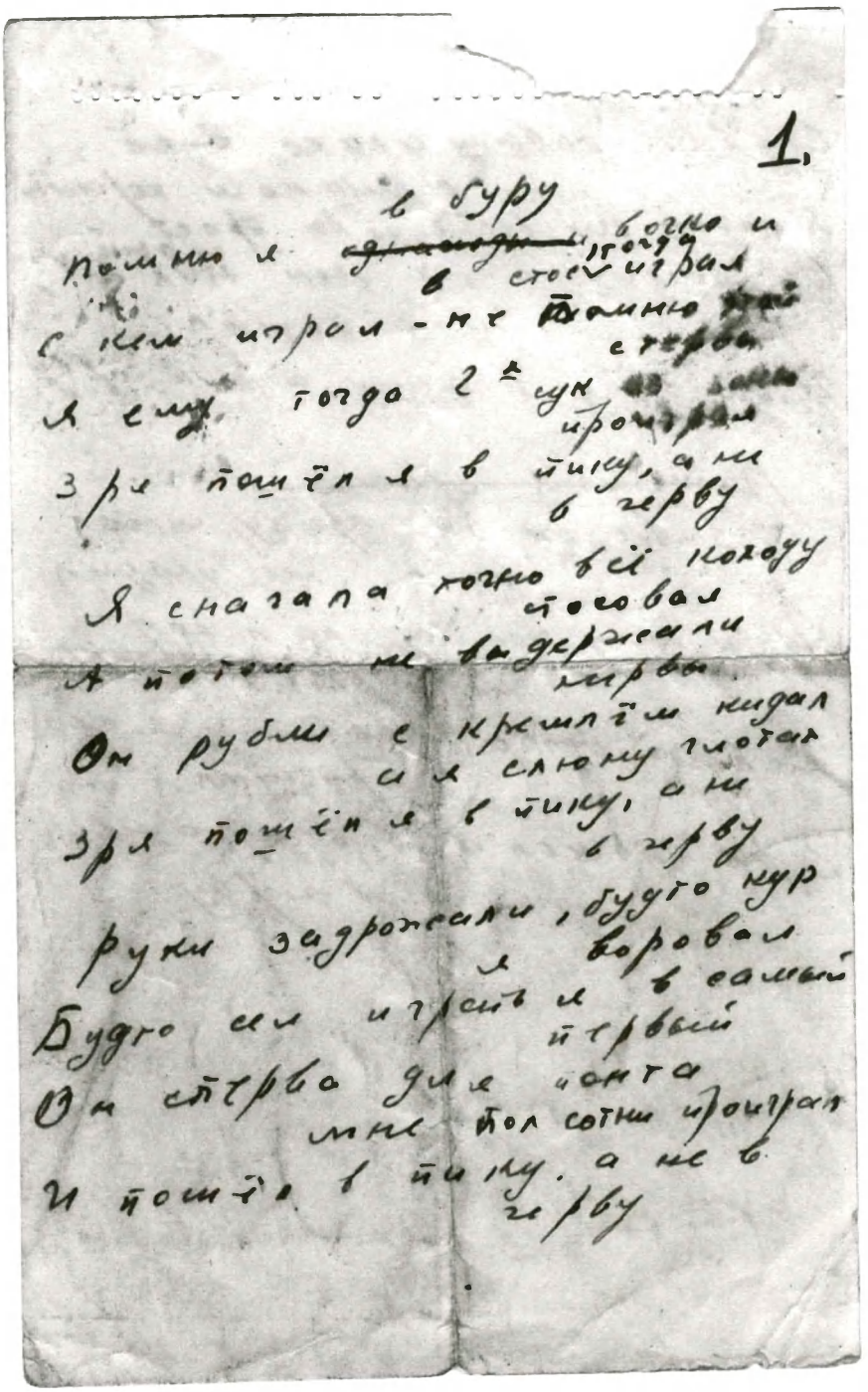
Карточная игра — всегда поединок. Блатари не играют компанией, они играют всегда один на один».

Я ему тогда двух сук из зоны проиграл. — В зонах практиковалась игра на жизнь других людей. Проигравший убивал поставленную на кон жертву. В данном случае речь идёт о зэках, сотрудничавших с лагерной охраной, «суках».

Зря пошёл я в пику, а не в черву! — Пики, черви — масти в карточной колоде, в игре в «очко» и «стос» значения не имеют. Описываемая карточная ситуация скорее соответствует игре в «дурака», «тысячу» и др., в которых учитывается не только достоинство карт, но и их масть.

Он рубли с Кремлём кидал... — На советских купюрах образца 1961 достоинством в 3, 5, 50 и 100 рублей были изображены виды Московского Кремля. По указанию А. В. Скобелева, речь идет именно о сторублевых купюрах, которые на воровском жаргоне назывались «рубль с Кремлем» по цветовому сходству и размеру сторублевой купюры нового образца с купюрой дореформенного рубля, на котором изображение Кремля отсутствовало.

Пришить (*жарг.*) — убить.



1.

Помню я ~~однажды~~ в буру вочко и
в стос тогда играл
С кем играл — не помню ~~этой~~
с тервой
Я ему тогда 2х сук ~~из~~ ~~[illegible]~~
проиграл
Зря пошёл я в пику, а не
в черву

Я сначала точно всё походу
стосовал
А потом не выдержали
нервы
Он рубли с кремлём кидал
а я слюну глотал
Зря пошёл я в пику, а не
в черву

Руки задрожали, будто кур
я воровал
Будто сел играть я в самый
первый
Он с тервой для понта
мне пол сотни проиграл
И пошёл в пику, а не в
черву

Черновик песни «Пика и черва»

Ставки повышались всё
шло слишком хорошо
Я ~~сидел~~ был белый, он бы прост серый
Он поставил на кон этих 2х,
и я пошёл:
И пошёл я в пику, а не в черву

~~Почему я сразу~~
Завязать бы сразу мне,
а я не уходил,
И к тому же сделал ход
неверный
Делать было нечего - и я его
пришил
Зря пошел я в пику, а не
в черву

* * *

Давно я понял — жить мы не смогли бы,
И что ушла — все правильно, клянусь!
А за поклоны к праздникам — спасибо,
И за приветы тоже не сержусь.

А зря заботишься, хотя и пишешь: «...муж», но,
Как видно, он тебя не балует грошом.
Так что скажу за яблоки — не нужно,
А вот за курево и водку — хорошо.

Ты не пиши мне за березы, вербы,
Прошу Христом, не то я враз усну.
Ведь здесь растут такие, Маша, кедры,
Что вовсе не скучаю за сосну.

Ты пишешь мне про кинофильм «Дорога»
И что народу — тыщами у касс.
Но ты учти: людей здесь тоже много
И что кино бывает и у нас.

Ну, в общем, ладно — надзиратель злится,
И я кончаю, ну, всего, бывай!
Твой бывший муж, твой бывший кровопийца.
А знаешь, Маша, знаешь — приезжай!

1963, около 22 июня

Кинофильм «Дорога» — шпионский детектив реж. А. Столпера по сценарию С. Ермолинского («Мосфильм», 1955). В 1963 Владимир Высоцкий снимался в эпизодической роли в фильме А. Столпера «Живые и мертвые».



Кинотеатр «Россия». Москва, 1961

И что народу — тыщами у касс. — По данным статистики, в прокате в 1955 фильм посмотрели 25,17 млн человек.

Простите Мишку!

Говорят, арестован
Добрый парень за три слова.
Говорят, арестован
Мишка Ларин за три слова.

Говорят, что не помог ему заступник, честно слово.
Мишка Ларин — как опаснейший преступник аттестован.

Ведь это ж, правда, — несправедливость!

Говорю, невиновен!
Не со зла ведь? Но вино ведь.
Говорю, невиновен!
А ославить — разве новость?

Говорю, что не поднял бы Мишка руку на ту суку.
Так возьмите же вы Мишку на поруки! — вот вам руку!

А то ведь, правда, — несправедливость!

Говорят, что до свадьбы
Он придет, до женитьбы...
Вот бы вас бы послать бы,
Вот бы вас погноить бы.

Вот бы вас бы на Камчатку — на Камчатку нары дали б.
Пожалели бы вы нашего Мишатку, порыдали б.

А то ведь, правда, — несправедливость!

Говорю, заступитесь!
Повторяю, на поруки!
Если ж вы поскупитесь,
Заявляю: ждите, суки!



Ватник заключенного

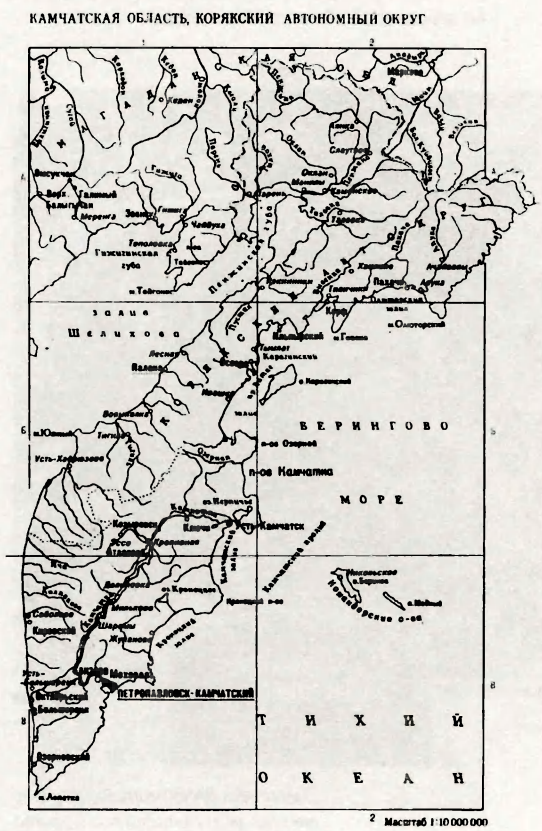
Другие названия песни: «Мишку жалко — добрый парень», «Мишка Ларин».

На поруки — передача на поруки, т. е. под поручительство ходатаев, в советском уголовном праве — одна из форм освобождения от уголовной ответственности лиц, деяния которых не повлекли тяжких последствий, а сами они не представляют большой общественной опасности. По заявлению организации или коллектива трудящихся правонарушитель передается им для перевоспитания и исправления. Если взятый на поруки в течение года не оправдал доверия коллектива, решение коллектива об отказе от поручительства направляется в суд или прокуратуру для решения вопроса об уголовной ответственности.

Из интервью Ю. П. Любимова В. К. Перевозчикову: «А если брать его блатной цикл, его ведь тоже не понимают... Про него ведь такие небылицы плетут... Но это связано с тем, что он уже при жизни был какой-то легендой. К нему, вы знаете, шли тысячи писем... „Вы, как бывший уголовник, так прекрасно написали... Поняли сердцем... Я перековался..." А ведь он писал эти песни пародийно, стилизуя, проходя через все слои людей».

Говорят, что до свадьбы
Он придет, до женитьбы... —
перифраз начальных строк песни Н. В. Богословского на слова Е. А. Долматовского из кинофильма «Александр Пархоменко» («Мосфильм», 1942. Реж. Л. Луков): «Эх, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы?»

Камчатка — полуостров в северо-восточной части материка Евразия на территории России. Омывается с запада Охотским морем, с востока — Беринговым морем и Тихим океаном. Полуостров вытянут с северо-востока на юго-запад на 1200 км. Соединяется с материком узким (до 93 км) перешейком. С целью строительства железнодорожной и шоссейной дорог в Камчатской области в 1940-е на Камчатке были организованы исправительно-трудовые лагеря.



Я ж такое вам устрою, я ж такое вам устрою!
Друга Мишку не забуду и вас в землю всех зарою!

А то ведь, правда, — несправедливость!

<лето 1963>



Владимир Высоцкий, 1968

* * *

У меня было сорок фамилий,
У меня было семь паспортов,
Меня семьдесят женщин любили,
У меня было двести врагов,

Но я не жалею.

Сколько я ни старался,
Сколько я ни стремился, —
Все равно, чтоб подраться,
Кто-нибудь находился.

И хоть путь мой и длинен и долог,
И хоть я заслужил похвалу, —
Обо мне не напишут некролог
На последней странице в углу,

Но я не жалею.

Сколько я ни стремился,
Сколько я ни старался, —
Кто-нибудь находился,
И я с ним напивался.

И хотя во все светлое верил,
Например, в наш советский народ, —
Не поставят мне памятник в сквере,
Где-нибудь у Петровских Ворот,

Но я не жалею.

Сколько я ни старался,
Сколько я ни стремился, —
Все равно я спивался,
Все равно я катился.

О принципах установления основного варианта этой песни см. в предисловии С. В. Жильцова к собранию сочинений Владимира Высоцкого в 5 т.

И хоть путь мой и длинен и долог... — реминисценция из песни А. Пахмутовой на слова С. Гребенникова и Н. Добронравова «Геологи»: «А путь и далек, и долог...»

Обо мне не напишут некролог
На последней странице в углу... —
В практике советской прессы сообщение о смерти публиковалось на последней полосе газеты в нижнем углу. Некролог в газете — одна из информационных привилегий, которой удостаивались видные партийные, государственные и общественные деятели, военачальники, представители науки, культуры и литературы. Существовала иерархия органов печати, размещавших некрологи. Так, некролог о смерти самого Высоцкого был опубликован только в городской газете «Вечерняя Москва» и отклонен во всесоюзной «Советской культуре».



Памятник Владимиру Высоцкому на площади Петровские Ворота

Не поставят мне памятник в сквере,
Где-нибудь у Петровских Ворот... —
Площадь Петровские Ворота в Москве находится на пересечении Бульварного кольца (Страстной б-р и Петровский б-р) с ул. Петровка. 25 июля 1995 в 15-ю годовщину смерти Высоцкого, на площади был установлен памятник поэту по эскизу скульптора Г. Распопова. Исполнители В. Дронов (скульптор), А. Орехов (архитектор).



Серебряная монета государства Малави

Все равно меня не отчеканят
На монетах заместо герба... —
Вплоть до 1967, когда была выпущена серия юбилейных монет к 50-летию Октябрьской революции с изображением на монетах достоинством в 1 рубль и 50 копеек фигуры Ленина, на советских монетах отсутствовало изображение исторических лиц (в 1965 к 20-летию Победы в Великой Отечественной войне был выпущен юбилейный рубль с изображением памятника советскому воину в Берлине). Впрочем, изображение герба всегда оставалось на советских и российских монетах.

В 2010 государство Малави выпустило ограниченным тиражом, в 1938 экземпляров, юбилейную серебряную (999-й пробы) монету достоинством в 2 новозеландских доллара с изображением В. Высоцкого. Вес 31,1 г, диаметр 40 мм, толщина 2,65 мм. Дизайн реверса: Андрей Батура. Дизайн аверса: Рафаэль Маклауф.

Сочиняю я песни о драмах
И о жизни карманных воров, —
Мое имя не встретишь в рекламах
Популярных эстрадных певцов,

Но я не жалею.

Сколько я ни старался,
Сколько я ни стремился, —
Я всегда попадался
И все время садился.

Говорят, что на место все встанет.
Бросить пить?.. Видно, мне не судьба.
Все равно меня не отчеканят
На монетах заместо герба,

Но я не жалею.

Так зачем мне стараться?
Так зачем мне стремиться?
Чтоб во всем разобраться,
Нужно сильно напиться!

<1963, осень, ред. — 1974>

Счетчик щелкает

Твердил он нам: «Моя она...»
«Да ты смеешься, друг, да ты смеешься.
Уйди, пацан, ты очень пьян.
А то нарвешься, друг, гляди — нарвешься!»

А он кричал: «Теперь мне все одно,
Садись в такси, поехали кататься.
Пусть счетчик щелкает, пусть — все равно,
В конце пути придется рассчитаться».

Не жалко мне таких парней.
«Ты от греха уйди», — твержу я снова.
А он ко мне — и все о ней.
«А ну, ни слова, гад, гляди — ни слова!»

Ударила в виски мне кровь с вином.
И, также продолжая улыбаться,
Ему сказал я тихо: «Все равно
В конце пути придется рассчитаться».

К слезам я глух и к просьбам глух.
В охоту драка мне. Ох как в охоту!
И хочешь, друг, не хочешь, друг, —
Плати по счету, друг. Плати по счету!

А жизнь мелькает, как в немом кино.
Мне хорошо, мне хочется смеяться.
А счетчик — щелк да щелк. Да все равно
В конце пути придется рассчитаться...

<1964, около 27 июля>

Другое название песни: «Придется рассчитаться». Написана на обороте беловика песни к картине «На завтрашней улице» («Мосфильм», 1965. Реж. Ф. Филиппов), не исключено, что предлагалась автором в фильм. Не вошла.

Из комментариев Владимира Высоцкого: «Счетчик щелкает, счетчик, вот в такси который — щелк, щелк». (1965)

Из интервью писателя А. С. Макарова, друга юности Владимира Высоцкого, В. К. Перевозчикову: «Я просто помню конкретную ситуацию, хотя, вполне возможно, что на это мог наложиться какой-то другой случай. Мы ехали в такси всей нашей компанией. Были девушки, а таксист вел себя просто по-хамски — начал материться... А я терпеть не могу, когда ругаются при женщинах. Абсолютно не переношу! <...> Так вот, я что-то сказал таксисту — он „завелся" еще больше... Я ему говорю:

— Ну, ничего, ничего... В конце пути все равно придется рассчитаться».



Пусть счетчик щелкает... — Автомобили такси были оборудованы механическими счетчиками, на табло которых выставлялись цифры стоимости проезда, смена цифр сопровождалась характерными щелчками. Проезд 100 м и минута простоя с 1961 по 1975 стоили 1 коп.



Владимир Высоцкий
с приятелем В. Савичем, таксистом.
Из шуточной фотосессии

Ребята, напишите мне письмо!

Мой первый срок я выдержать не смог.
Мне год добавят, может быть, — четыре.
Ребята, напишите мне письмо,
Как там дела в свободном вашем мире?

Что вы там пьете? Мы почти не пьем.
Здесь только снег при солнечной погоде.
Ребята, напишите обо всем —
А то здесь ничего не происходит.

Мне очень-очень не хватает вас,
Хочу увидеть милые мне рожи!
Как там Надюха? С кем она сейчас?
Одна? — тогда пускай напишет тоже.

Страшней быть может только Страшный суд.
Письмо мне будет уцелевшей нитью.
Его, быть может, мне не отдадут,
Но все равно, ребята, напишите!

<1964, лето>



Впервые стихотворение опубликовано в газете «Новое русское слово», Нью-Йорк, 17 декабря 1968; опубликовано также в самиздатовском альманахе «Метрополь», Москва, 1978.

Письмо мне будет уцелевшей нитью. — Имеется в виду нить Ариадны. В греческой мифологии Тезея, отправившегося на битву с минотавром, обитавшим в критских лабиринтах, его возлюбленная Ариадна снабдила клубком нити, благодаря которому он смог выбраться обратно после сражения. Нить Ариадны — символ спасительной связи с реальным миром в экстремальных обстоятельствах.

Фрагменты из «Романа о девочках» Владимира Высоцкого:

«Полгода назад сама Лариса была влюблена в Кулешова, он тогда пел весь вечер новые свои песни, и все кругом с ума сошли и визжали от восторга, а он — Сашка — улыбался только и благосклонно принимал комплименты, не особенно всерьез, белый от напряжения, с каплями пота на лбу и в вымокшей рубахе. Послушает и новую песню споет, еще похлеще предыдущей, выкрикнет, как в последний раз. Даже слова иногда не слушала Лариса, а только голос, от которого мурашки по коже и хорошо становилось на душе, хотя надрыв и отчаяние были в песнях, и слова грубые и корявые:

Ребята! Напишите мне письмо,
Как там дела в свободном вашем мире?»

«Передохнул немного Николай и поднял гитару. Сердце бешено стучало, а песня уже была на языке, не его песня, чужая, но вроде как будто и его:

Мой первый срок я выдержать не смог.
Мне год добавят, может быть, — четыре.
Ребята! Напишите мне письмо,
Как там дела — в свободном вашем мире! —

гитара подвирала, потому что треснула она, падая. Колька подкрутил колки и продолжал, не заметив даже, как удивленно смотрит на него Тамара:

Что вы там пьете? Мы почти не пьем.
Здесь снег да снег при солнечной погоде!
Ребята! Напишите обо всем,
А то здесь ничего не происходит, —

пел Николай тихим, севшим голосом, почти речитативом выпевая нехитрую мелодию.



Артисты Театра на Таганке на гастролях в Ленинграде, апрель, 1965. Слева направо: В. Высоцкий, Т. Лукьянова, Т. Додина, А. Колокольников, Н. Губенко

Мне очень, очень не хватает вас,
Хочу увидеть милые мне рожи.
Как там Тамарка, с кем она сейчас?
Одна? Тогда пускай напишет тоже.

Колька нарочно вставил „Тамарка" вместо положенного „Надюха".

Страшней, быть может, только Страшный суд, —
Письмо мне будет уцелевшей нитью.
Его, быть может, мне не отдадут,
Но все равно, ребята, напишите! —

закончил Колька просительно и отчаянно, с закрытыми глазами, и повибрировал грифом, чтобы продлить звук, отчего вышло совсем уж тоскливо.

— Ты откуда эту песню знаешь? — спросила она, когда он открыл глаза и взглянул на нее.

— Это ребята привезли. Какой-то парень есть, Александр Кулешов называется. В лагере бесконвойные большие деньги платили за пленки. Они все заигранные по тысяче раз, мы вечерами слова разбирали и переписывали. Все без ума ходят от песен, а начальство во время шмонов, обысков то есть, листочки отбирало. Он вроде где-то сидит, Кулешов этот, или даже убили его. Хотя не знаю. Много про него болтают. Мне человек десять совсем разные истории рассказывали. Но, наверное, все врут». (1977)

Видимо, как противопоставление Кулешову-Высоцкому прежнему, автору незамысловатой песенки про «снег при солнечной погоде», в романе есть еще одна песня Кулешова-Высоцкого — уже новая: «Снег скрипел подо мной».

* * *

Передо мной любой факир — ну просто карлик!
Я их держу заместо мелких фраеров.
Возьмите мне один билет до Монте-Карло —
Я потревожу ихних шулеров!

Не соблазнят меня ни ихние красотки,
А на рулетку только б мне взглянуть.
Их банкометы мине вылижут подметки,
А я — на поезд — и в обратный путь.

Играть я буду и на красных, и на черных,
И в Монте-Карло я облажу все углы.
Останутся у них в домах игорных
Одни хваленые зеленые столы!

Я привезу с собою массу впечатлений.
Попью коктейль и послушаю джаз-банд.
Я привезу с собою кучу ихних денег
И всю валюту сдам в советский банк.

Я говорю про все про это без ухарства,
Шутить мне некогда, — мне «вышка» на носу.
Но пользу нашему родному государству
Наверняка я этим принесу!

<1964, лето>



Владимир Высоцкий в фильме «Интервенция»

В 1967 песня предлагалась (в авторской редакции) для кинофильма «Интервенция» (Одесская киностудия, 1968. Реж. Г. Полока). В фильм не вошла. Включена в восстановленную редакцию фильма 1987 с припевом и без двух последних строф. На фонограммах 1965 зафиксированы варианты строки про «вышку» — «расстрел мне на носу» и «ведь смерть мне на носу».

Из выступления Владимира Высоцкого: «У меня была совсем смешная история. У меня была такая песня, одна из самых первых песен того периода, когда я писал так называемые, как их принято было называть, „блатные" песни, „городские", „уличные", „дворовые" — как угодно. Я их очень люблю, эти песни. Вы не думайте, что я от них открещиваюсь и отмежевываюсь. Нет. Я их люблю, я считаю, что они мне очень большую пользу принесли. <...> И самое удивительное, что совсем недавно сделали венгерские кинематографисты фильм, который называется „Воробей — тоже птица". Если кому-нибудь из вас удалось это увидеть — вы увидите, что это просто один к одному сценарий, вот такой комедийный, про то, как человека снабжают, как говорится, полномочиями, хотя его должны посадить, а посылают туда и он привозит оттуда все состояние Монте-Карло. Его встречают с почетом, с трубами на перронах. Вот, значит, такие были истории». (1979)

Факир — уличный фокусник на Востоке, иллюзионист.

Фраер (*жарг.*) — человек, не принадлежащий к криминальному миру, обыватель.

Монте-Карло (*фр.* Monte Carlo) — административная территория княжества Монако, известный своими игорными домами фешенебельный курорт на берегу Средиземного моря.

Шулер (*жарг.*) — карточный мошенник.





Играть я буду и на красных, и на черных... — При игре в рулетку ставки делаются как на номера, так и на цвета (красный и черный).

Одни хваленые зеленые столы! — Игорные столы в казино традиционно обтянуты зеленым сукном.

И всю валюту сдам в советский банк. — До 1991 в СССР существовала государственная валютная монополия. По действовавшему законодательству в уголовном порядке преследовались купля-продажа, мена, производство и прием платежа, перевоз через границу валютных средств, совершаемые помимо Госбанка СССР или уполномоченных им учреждений. За нарушение правил о валютных операциях предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 8 лет с конфискацией или без конфискации имущества, но с обязательной конфискацией валютных ценностей и ценных бумаг (со ссылкой на срок от 2 до 5 лет или без ссылки). При отягчающих обстоятельствах (например, при совершении валютных преступлений в виде промысла, в особо крупных размерах или лицом, ранее осужденным за валютные преступления) было установлено более строгое наказание: лишение свободы на срок от 5 до 15 лет с конфискацией имущества (со ссылкой или без таковой) или смертная казнь с конфискацией имущества.

По мнению А. В. Скобелева, в финале песни содержится отсылка к получившему общественный резонанс судебному процессу 1961 над валютчиками Я. Рокотовым, В. Файбишенко и Д. Яковлевым, приговоренными к смертной казни.

Уголовный кодекс

Нам ни к чему сюжеты и интриги —
Про все мы знаем, про все, чего ни дашь.
Я, например, на свете лучшей книгой
Считаю кодекс Уголовный наш.

И если мне неймется и не спится
Или с похмелья нет на мне лица,
Открою кодекс на любой странице —
И не могу! Читаю до конца.

Я не давал товарищам советы,
Но знаю я — разбой у них в чести́.
Вот только что я прочитал про это:
Не ниже трех, не свыше десяти.

Вы вдумайтесь в простые эти строки —
Что нам романы всех времен и стран! —
В них все — бараки, длинные, как сроки,
Скандалы, драки, карты и обман.

Сто лет бы мне не видеть этих строчек! —
За каждой вижу чью-нибудь судьбу
И радуюсь, когда статья — не очень:
Ведь все же повезет кому-нибудь...

И сердце бьется раненою птицей,
Когда начну свою статью читать.
И кровь в висках так ломится, стучится,
Как мусора́, когда приходят брать.

<1964, осень>



Уголовный кодекс — нормативный акт, устанавливающий преступность и наказуемость деяний на территории государства. Законом РСФСР от 27 октября 1960 «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР (вместе с „Уголовным кодексом РСФСР")» с 1 января 1961 вводился в действие новый свод уголовных правил.

Разбой — преступление, выражающееся в нападении с целью завладения государственным, общественным или личным имуществом, соединенным с насилием, опасным для жизни и здоровья лица, подвергшегося нападению, или с угрозой применения такого насилия.

Вот только что я прочитал про это:
Не ниже трех, не свыше десяти. —
Согласно ст. 91 УК РСФСР 1960, за разбой полагалось наказание в виде лишения свободы сроком от 3 до 10 лет с конфискацией имущества или без таковой.



Владимир Высоцкий.
Москва, 1950-е

Несостоявшаяся свадьба

Нам вчера прислали из рук вон плохую весть:
Нам вчера сказали, что Алеха вышел весь.
Как же так? Он Наде говорил, что пофартит,
Что сыграет свадьбу, на неделю загудит!

Не видать девахе этот свадебный гудеж,
Потому что в драке налетел на чей-то нож.
Потому что плохо — хоть не в первый раз уже,
Получал Алеха дырки новые в душе.

Для того ль он душу, как рубаху, залатал,
Чтоб его убила в пьяной драке сволота!
Если б все в порядке, мы б на свадьбу нынче шли,
Но с ножом в лопатке поутру его нашли.

Что ж, поубивается девчонка, поревет.
Что ж, посомневается — и слезы оботрет,
А потом без вздоха отопрет любому дверь.
Ничего, Алеха, все равно тебе теперь.

Мы его схороним очень скромно. Что рыдать!
Некому о нем и похоронную послать.
Потому никто не знает, где у Лехи дом.
Вот такая смерть шальная всех нас ждет потом.

Что ж, поубивается девчонка, поревет.
Чуть посомневается — и слезы оботрет,
А потом без вздоха отопрет любому дверь.
Бог простит, Алеха! Все равно ему теперь...

<1964, осень>



Песня носила название «Алеха».

Одна из немногих песен Владимира Высоцкого, ставшая народной, — анонимные исполнители во дворах обогатили ее новыми куплетами:

Но однажды ночью ей приснится страшный сон —
Будто к ней в квартиру постучался снова он:
«Замуж за другого то, что вышла, не беда,
Но ведь под лопатку это ж он меня тогда».

И проснувшись ночью, услыхав такую весть,
Побежит на кладбище, отыщет серый крест, —
И могильный холмик окропит своей слезой:
«Ты прости, Алешка, забери меня с собой!

Я же ведь не знала, кто тогда тебя убил,
А теперь узнала, и нет больше моих сил!»
И ударом в сердце тоже кончит дни свои,
И в одной могиле будут вместе спать они.

Мы их похороним вместе — что уж тут рыдать!
И в одной могиле они вместе будут спать.
Им людская радость совершенно не видна,
В памяти осталась только первая весна.

Пофартит (от фарт — удача, везение) (*жарг.*) — повезет.

Песня про стукача

В наш тесный круг не каждый попадал,
И я однажды — про́клятая дата! —
Его привел с собою и сказал:
«Со мною он, нальем ему, ребята».

Он пил, как все, и был как будто рад.
А мы? — его мы встретили как брата!
А он назавтра продал всех подряд.
Ошибся я, простите мне, ребята!

Суда не помню, было мне невмочь.
Потом — барак, холодный как могила.
Казалось мне: кругом сплошная ночь —
Тем более что так оно и было.

Я сохраню хотя б остаток сил.
Он думает, отсюда нет возврата.
Он слишком рано нас похоронил,
Ошибся он, поверьте мне, ребята!

И день наступит — ночь не на года!
Я попрошу, когда придет расплата:
«Ведь это я привел его тогда,
И вы его отдайте мне, ребята!»

<1964, осень>

Из выступления Владимира Высоцкого на итальянском радио: «Первые мои песни были написаны от имени — действительно вот, правы люди, которые когда-то мне предъявляли претензии, — от имени ребят дворов, улиц, послевоенных таких вот компаний, которые собирались во дворах, в подворотнях. Очень много жизни было во дворах в московских в то время: и танцевали, и играли в разные игры, но все это было во дворах. <...> Конечно, я думаю, что в этих песнях присутствует, безусловно, такая, если можно так выразиться — слово нехорошее, но точное, — такая заблатненная интонация немножко. Но в них, безусловно, есть юмор и мое собственное к этому отношение, с улыбкой. Поэтому я их люблю очень, эти песни.

И еще в них одно было достоинство. Мне кажется, что в них была, как говорится, „одна, но пламенная страсть", только об одном там шла речь. Они были необычайно просты, и если это любовь — то это, значит, невероятная любовь и желание эту девушку получить сейчас же, никому ее не отдать, защищать до смерти, до драки, до поножовщины, до чего угодно. Если это поется человеком, который сидит где-то в тюрьме или в лагере, — то это его желание выйти на свободу. Его тоже „одна, но пламенная страсть" — желание, значит, на свободу и так далее. И конечно, есть элемент бравады в этом, лихости какой-то, ну которая свойственна, в общем, всем молодым людям. Это дань молодым моим годам и дань прежним временам, послевоенным временам, которые все мы помним». (1979)

Стукач (*жарг.*) — предатель.



Формулировка

Вот раньше жизнь: и вверх, и вниз
Идешь без конвоиров!
Покуришь план, пойдешь на бан
И щиплешь пассажиров.

А на разбой берешь с собой
Надежную шалаву,
Потом за грудь кого-нибудь —
И «делаешь Варшаву».

Пока следят, пока грозят —
Мы это переносим.
Наелся всласть, но вот взялась
«Петровка, 38».

Прошел детдом, тюрьму, приют
И срока не боялся.
Когда ж везли в народный суд,
Немного волновался.

Зачем нам врут: «Народный суд»? —
Народу я не видел.
Судье — простор, и прокурор
Тотчас меня обидел.

Ответил на вопросы я,
Но приговор — с издевкой.
И не согласен вовсе я
С такой формулировкой!

Не отрицаю я вины,
Не в первый раз садился,
Но написали, что с людьми
Я грубо обходился.



Другое название песни: «Про хорошего жулика».

...щиплешь пассажиров. — Каламбур, основанный на многозначности слова «пассажир»: 1) тот, кто совершает поездку в транспортном средстве, и 2) на воровском жаргоне: лицо, не принадлежащее к преступному миру, фраер.



План (*жарг.*) — наркотик (анаша, марихуана).

Бан (*жарг.*) — вокзал (от *нем.* Bahnhof) или базар.

...«делаешь Варшаву». — Из выступления Владимира Высоцкого в Институте русского языка: «„Делать Варшаву" — это, как известно, выражение появилось после войны в уголовных лагерях. Дело в том, что „делать Варшаву" — значит сровнять с зем-

лей, уничтожить человека. Что его нету. „Делаешь Варшаву". Он говорит: затяни удавку или отпусти удавку, вот такой жест показывает. Вот». (1966)

Петровка, 38 — адрес, по которому располагается ГУВД Москвы, в разговоре — наименование московской милиции вообще.

Народный суд — в СССР основное звено судов общей юрисдикции.

Грабеж — открытое похищение государственного, общественного или личного имущества граждан, совершенное без насилия над личностью или с насилием, не опасным для жизни и здоровья.

Меняй формулировку! — Имеется в виду изменение статьи на более мягкую: вместо «грабеж» — «вымогательство» («Тихо подойдешь, / Попросишь сторублевку»).



Никита Хрущев

«Спасибо за вниманье!» — Из воспоминаний Н. Г. Шафера: «Я отлично помню реакцию слушателей 60-х годов, когда, собравшись у какого-нибудь владельца магнитофона, они слушали эту песню. После сакраментальной фразы „Спасибо за вниманье!" неизменно следовал дружный смех. Ну как же! Только что с легкой руки Никиты Сергеевича Хрущева в речах наших государственных деятелей утвердилась эта культурная концовка, перенятая на Западе. <...> А ведь раньше ничего подобного не было: ни Сталин, ни Жданов не говорили „Спасибо за внимание!"».

Неправда! Тихо подойдешь,
Попросишь сторублевку.
При чем тут нож? При чем грабеж? —
Меняй формулировку!

Эх, был бы зал, я б речь сказал:
«Товарищи родные!
Зачем пенять, ведь вы меня
Кормили и поили.

Мне каждый деньги отдавал
Без слез, угроз и крови.
Огромное спасибо вам
За все на добром слове!»

И этот зал мне б хлопать стал,
И я б, прервав рыданья,
Им тихим голосом сказал:
«Спасибо за вниманье!»

Ну правда ведь, неправда ведь,
Что я грабитель ловкий?
Как людям мне в глаза смотреть
С такой формулировкой?!

<1964, осень>

* * *

Так оно и есть —
Словно встарь, словно встарь:
Если шел вразрез, —
На фонарь, на фонарь!
Если воровал, —
Значит, сел, значит, сел,
Если много знал, —
Под расстрел, под расстрел!

Думал я, наконец, не увижу я скоро
Лагерей, лагерей...
Но попал в этот пыльный, расплывчатый город
Без людей, без людей.

Бродят толпы людей, на людей не похожих,
Равнодушных, слепых.
Я заглядывал в черные лица прохожих —
Ни своих, ни чужих.

Так зачем проклинал свою горькую долю?
Видно, зря, видно, зря.
Так зачем я так долго стремился на волю
В лагерях, в лагерях?

Бродят толпы людей, на людей не похожих,
Равнодушных, слепых.
Я заглядывал в черные лица прохожих —
Ни своих, ни чужих.

Так оно и есть —
Словно встарь, словно встарь:
Если шел вразрез —
На фонарь, на фонарь!
Если воровал, —
Значит, сел, значит, сел,
Если много знал, —
Под расстрел, под расстрел!

<осень, 1964>

Если шел вразрез, —
На фонарь, на фонарь! —
Имеется в виду использование фонарного столба в качестве виселицы в условиях самосуда и правового беспредела. Выражение восходит ко времени Великой французской революции, к распространенному призыву восставших: «Аристократов — на фонарь!»

Если воровал, —
Значит, сел, значит, сел,
Если много знал, —
Под расстрел, под расстрел! —
Имеется в виду сложившаяся в годы сталинщины репрессивная практика государства, при котором уголовное преступление наказывалось менее жестко, чем политическое инакомыслие, а уголовный преступник считался более социально близким, чем политический. А. И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ», подробно останавливаясь на этом обстоятельстве, приводит в качестве показательного примера письмо к нему завязавшего вора некоего Г. Минаева: «Я даже гордился, что хоть и вор, но не изменник и предатель. При каждом удобном случае нам, ворам, старались дать понять, что мы для Родины все-таки еще не потерянные, хоть и блудные, но все-таки сыновья. А вот „фашистам" нет места на земле».



Владимир Высоцкий на шефском выступлении, середина 1960-х

Рецидивист

Это был воскресный день, и я не лазил по карманам.
В воскресенье отдыхать! Вот мой девиз.
Вдруг — свисток, меня хватают, обзывают хулиганом,
А один узнал, кричит: «Рецидивист!»

«Брось, товарищ, не ершись,
Моя фамилия — Сергеев,
Ну, а кто рецидивист,
Ведь я ж понятья не имею».

Это был воскресный день, но «мусора́» не отдыхают:
У них тоже план давай — хоть удавись!
Ну а если перевыполнят, так их там награждают.
На вес золота там вор-рецидивист.

С уваженьем мне: «Садись, —
Угощают „Беломором". —
Значит, ты — рецидивист?
Распишись под протоколом!»

Это был воскресный день, светило солнце, как бездельник,
И все люди — кто с друзьями, кто с семьей.
Ну а я сидел скучал, как в самый гнусный понедельник.
Мне майор попался очень деловой.

«Сколько раз судились вы?» —
«Плохо я считать умею». —
«Все же вы — рецидивист?» —
«Нет, товарищ, я — Сергеев».

Это был воскресный день, а я потел, я лез из кожи.
Но майор был в математике горазд:
Он чего-то там сложил, потом умножил, подытожил
И сказал, что я судился десять раз.

Из эссе поэта Д. Самойлова (1920–1990) «Его колея»: «Высоцкий — человек городской, выросший в московском дворе. Он обладает актерским талантом перевоплощения и так сливается со своими персонажами, что слушатель невольно их смешивает с автором. В этой исповеди от имени других Высоцкий предельно достоверен и правдив. Он бьет по наследию мрачных времен и ставит решительную черту под ними».

Рецидивист — преступник, совершивший повторное правонарушение.

В воскресенье отдыхать!.. — До 1967 в СССР существовала шестидневная рабочая неделя с одним выходным.

...обзывают хулиганом... — из книги В. Т. Шаламова «Очерки преступного мира» (1959): «Мы плохо и неверно разбираемся в разнице между ворами и хулиганами. Слов нет, обе эти социальные группы — антиобщественны, обе враждебны обществу. Но взвесить истинную опасность каждой группы, оценить ее по достоинству мы способны крайне редко. <...>

Сами блатари относятся к хулиганам резко отрицательно. „Да это не вор, это — просто хулиган", „это хулиганский поступок, недостойный вора" — такие фразы непередаваемой фонетики в ходу среди преступного мира. Эти примеры воровского ханжества встречаются на каждом шагу. Блатарь хочет отделить себя от хулиганов, поставить себя гораздо выше и настойчиво требует, чтобы обыватели различали воров и хулиганов».



«Беломор» — популярные советские папиросы «Беломорканал». Названы в честь Беломорско-Балтийского канала. Марка создана во второй половине 1930-х на заводе имени Урицкого в Ленинграде. Состоят из пустой картонной трубки, заканчивающейся тонкой сигаретной

бумагой с табаком. Сверхтонкая, полупрозрачная папиросная бумага по краям соединяется без клея путем механической запрессовки. Картонная трубка выступает в роли мундштука. Автор рисунка на пачке — художник А. Тараканов.

В семилетний план... — С 1928 в СССР существовала система пятилетнего планирования развития народного хозяйства, т. н. пятилетки. В 1959 на XXI съезде КПСС в связи с насущными экономическими проблемами, выходящими за пределы принятого в 1956 шестого пятилетнего плана, был одобрен план развития на семь лет. Основными задачами семилетки провозглашались развитие производительных сил, подъем всех отраслей экономики, повышение уровня жизни населения.

По́дал мне начальник лист,
Расписался, как умею, —
Написал: «Рецидивист
По фамилии Сергеев».

Это был воскресный день. Я был усталым и побитым.
Но одно я знаю, одному я рад:
В семилетний план поимки хулиганов и бандитов
Я ведь тоже внес свой очень скромный вклад!

<1964, осень>



Московский театр миниатюр по дороге на гастроли, на железнодорожном вокзале в Казани, февраль 1962. Владимир Высоцкий — крайний справа

* * *

Я любил и женщин, и проказы:
Что ни день, то новая была.
И ходили устные рассказы
Про мои любовные дела.

И однажды как-то на дороге
Рядом с морем — с этим не шути! —
Встретил я одну из очень многих
На моем на жизненном пути.

А у ней — широкая натура,
А у ней — открытая душа,
А у ней — отличная фигура,
А у меня в кармане — ни гроша.

Ну а ей в подарок нужно кольца,
Кабаки, духи из первых рук,
А взамен — немного удовольствий
От ее сомнительных услуг.

«Я тебе, — она сказала, — Вася,
Дорогое самое отдам!..»
Я сказал: «За сто рублей согласен,
Если больше — с другом пополам!»

Женщины — как очень злые кони:
На дыбы, закусят удила!..
Может, я чего-нибудь не понял,
Но она обиделась, ушла.

...Через месяц улеглись волненья,
Через месяц вновь пришла она, —
У меня такое ощущенье,
Что ее устроила цена.

<1964, после 17 июля>

Из выступления Владимира Высоцкого: «Такая песня <...> про ловеласа... Про донжуана». (1965)

В черновом варианте указано конкретное место знакомства — «рядом с морем» — в Таганроге. И несколько по иной линии развивается сюжет:

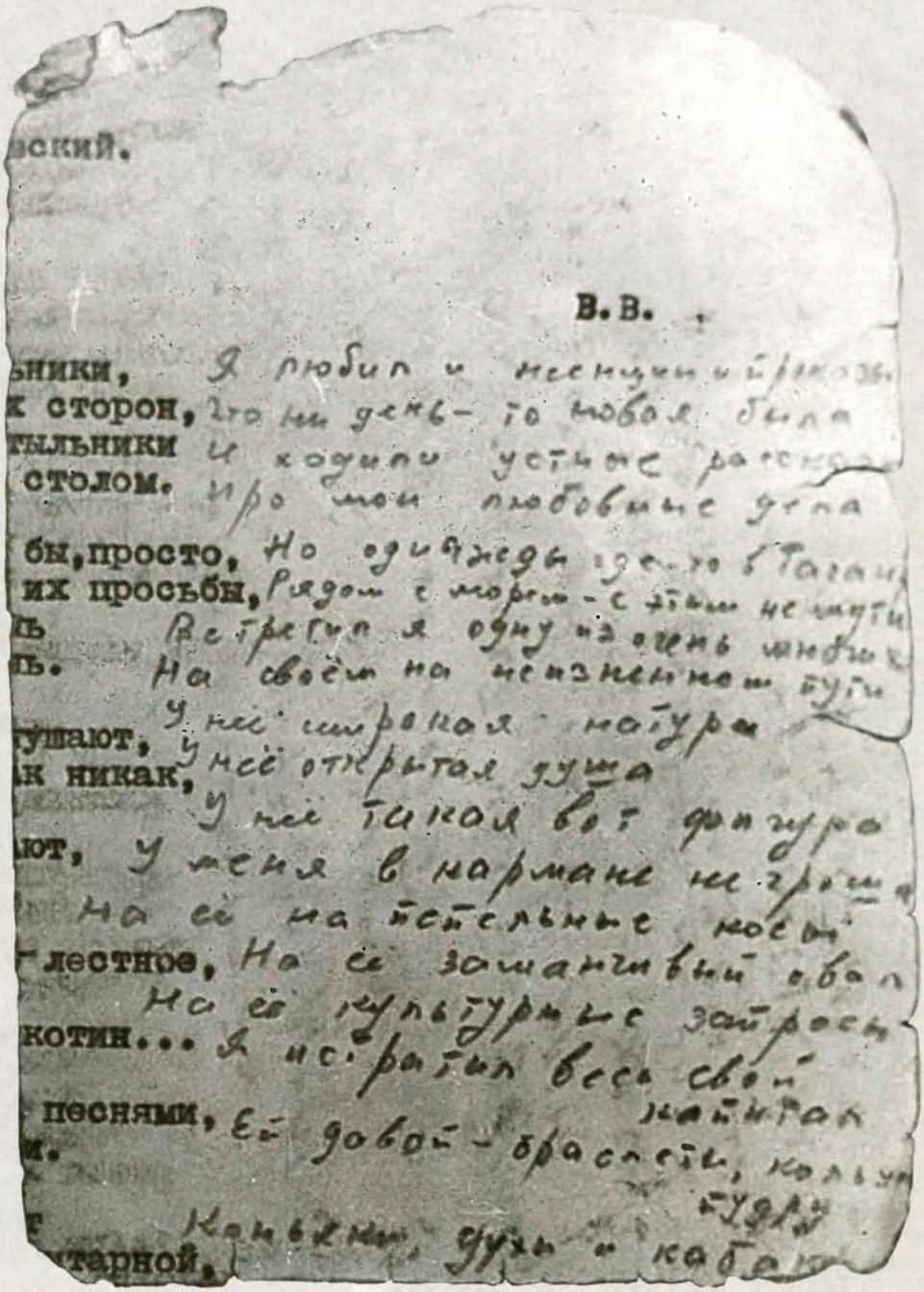
На ее на пепельные косы,
На ее заманчивый овал,
На ее культурные запросы
Я истратил весь свой капитал.

Ей давай браслеты, кольца, пудру,
Коньяки, духи и кабаки!
Поступил я очень-очень мудро,
Отказавшись от ее руки.

Что ж, она живет теперь, я знаю,
С очень честным умным карасем,
Я теперь открытки получаю,
Там в конце: «Спасибо вам за все!»



Таганрог, 1960-е



Фрагмент черновика песни «Я любил и женщин, и проказы...»





* * *

А в двенадцать часов
Людям хочется спать —
Им назавтра вставать
на работу.
Не могу им мешать,
Не пойду воровать —
Мне их сон нарушать
неохота.

Мне ребята сказали про такую наколку!..
На окраине, где даже нет фонарей...
Если выгорит дело, обеспечу надолго
И себя, и подругу, да и лучших друзей.

Но в двенадцать часов
Людям хочется спать —
Им назавтра вставать
на работу.
Не могу им мешать,
Не пойду воровать —
Мне их сон нарушать
неохота.

Мне ребята сказали, что живет там артистка,
Что у ей — бриллианты, золотишко, деньга,
И что все будет тихо, без малейшего риска.
Ну а после, конечно, мы рванем на бега.

Но в двенадцать часов
Людям хочется спать,
И артистке вставать
на работу.
Не могу ей мешать,
Не пойду воровать —
Мне ей сон нарушать
неохота.



Владимир Высоцкий и Вадим Туманов, 1976

Из книги воспоминаний В. Туманова «Все потерять — и вновь начать с мечты...»: «И вспомнилось: два приятеля — один идет воровать, второй спрашивает: „Коля, ты скоро придешь?" Тот отвечает: „Часа через два или лет через десять". Как-то я рассказал это Володе Высоцкому — он очень смеялся».

Наколка (*жарг.*) — информация, наводка.



Кассы Московского ипподрома

...мы рванем на бега. — То есть на ипподром, единственное в СССР место, где официально был разрешен тотализатор.



Сберкнижка — сберегательная книжка, финансово-отчетный документ по денежным вкладам населения СССР — единственной официальной форме размещения гражданами свободных денег в банковской сфере.

Быть не может, не может, — наш артист не богат. — Из интервью второй жены Высоцкого Л. В. Абрамовой В. К. Перевозчикову: «В то время, когда мы с Володей заканчивали институты (он — Школу-студию МХАТ, а я — ВГИК (в 1960. — *Сост.*)), актерская зарплата была 69 рублей, а может быть, даже и меньше».

Говорил мне друг Мишка, что у ей есть сберкнижка.
Быть не может, не может, — наш артист не богат.
«Но у ней подполковник, — он, ей-ей, ей любовник!» —
Этим доводом Мишка убедил меня, гад.

Но в двенадцать часов
Людям хочется спать —
Им назавтра вставать
на работу.
Ничего, не поспят!
Я иду — сам не рад:
Мне их сон нарушать
неохота.

Говорил я ребятам, что она небогата:
Бриллианты — подделка, подполковник — сбежал.
Ну а эта актриса — лет примерно под триста, —
Не прощу себе в жизни, что ей спать помешал.

Ведь в двенадцать часов
Людям хочется спать —
Им назавтра вставать
на работу.
Не могу им мешать,
Не пойду воровать —
Мне их сон нарушать
неохота.

<1965, до 2 февраля>

* * *

Смех, веселье, радость —
У него все было,
Но, как говорится, жадность
Фраера сгубила...

У него — и то и се,
А ему — все мало!
Ну так и накрылось все,
Ничего не стало.

<1965, апрель>



Владимир Высоцкий на концерте в Институте ядерной физики. Гатчина, 1972

В репертуаре Высоцкого тех времен была знаменитая «Таганка» («Цыганка с картами, дорога дальняя»). Первая авторская песня о Таганке — «Эй, шофер» — появилась, когда сломали Таганскую тюрьму. Справедливо предположить, что песня может быть завуалированным рассказом о событиях в новом Театре на Таганке.

Предбанник (*жарг.*) — дежурная часть милиции.



Обмундирование советского милиционера, 1965

Легавый (*жарг.*) — милиционер.



Подстаканник — металлическое изделие, полый каркас с ручкой, подставка для стеклянных стаканов.

* * *

В тюрьме Таганской нас стало мало —
Вести по-бабски нам не пристало.

Дежурный по предбаннику
Все бьет — хоть землю с мелом ешь, —
И я сказал охраннику:
«Ну что ж ты, сука, делаешь?!»

В тюрьме Таганской легавых нету,
Но есть такие — не взвидишь свету!

И я вчера напарнику,
Который всем нам вслух читал,
Как будто бы охраннику,
Сказал, что он легавым стал.

В тюрьме Таганской бывает хуже:
Там каждый — волком, никто не дружит.

Вчера я подстаканником
По темечку по белому
Употребил охранника —
Ну что он, сука, делает?!

<1965, апрель>

День рождения лейтенанта милиции в ресторане «Берлин»

Побудьте день вы в милицейской шкуре —
Вам жизнь покажется наоборот.
Давайте выпьем за тех, кто в МУРе! —
За тех, кто в МУРе, никто не пьет.

А за соседним столом — компания,
А за соседним столом — веселие.
А она на меня — ноль внимания:
Ей сосед ее шпарит Есенина.

Побудьте день вы в милицейской шкуре —
Вам жизнь покажется наоборот.
Давайте выпьем за тех, кто в МУРе! —
За тех, кто в МУРе, никто не пьет.

Понимаю я, что в Тамаре — ум,
Что у ней — диплом и стремления...
И я вылил водку в аквариум:
Пейте, рыбы, за мой день рождения!

Побудьте день вы в милицейской шкуре —
Вам жизнь покажется наоборот.
Давайте ж выпьем за тех, кто в МУРе! —
За тех, кто в МУРе, никто не пьет.

<1965, март>

Песня написана для неустановленного спектакля. Сохранился перечень песен для написания: «1) Снайпер (скорее всего, „Песня спившегося снайпера"), 2) За соседним столом (в черновике песня не имеет припева), 3) Про гостиницы (вероятно, „Заказал я два коктейля"), 4) Про себя». Кроме того, в это же время написаны «Нейтральная полоса», «Попутчик» и — по всей видимости — другая песня о розыске: «У домашних и хищных зверей...» В 1978, вероятно, предлагалась в кинофильм «Место встречи изменить нельзя».



Ресторан «Берлин» — ресторан в одноименной гостинице международного класса, получившей свое имя в 1958 после переименования отеля «Савой», открытого в 1913. В 1989 гостинице возвращено историческое название. До революции ресторан был популярным местом встреч московской артистической среды — артистов Большого и Малого театров, писателей, журналистов. В советские годы «Савой»–«Берлин» специализировался на приеме иностранных гостей. Один из самых дорогих ресторанов советской Москвы. Расположен по адресу: ул. Рождественка (в советское время — ул. Жданова), д. 3.

...за тех, кто в МУРе!.. — каламбур на основе тоста «За тех, кто в море!». Не исключено, что по тексту пьесы действие происходило в 1962, когда указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября был официально установлен профессиональный праздник День советской милиции, отмечаемый 10 ноября.

Из шуточной постановочной фотосессии с семьей Савич



* * *

Я склонен думать, гражданин судья,
Что прокурор сегодня был поддавши,
Ведь нападавшим вовсе был не я,
А я, скорее, даже — пострадавший.

Зачем я дрался?
Я вам отвечу:
Я возвращался,
А он — навстречу!

Я вижу — тучи
По небу мчатся...
Конечно, лучше б
Нам не встречаться.

Так вот, товарищ гражданин судья,
Поймите, не заваривал я кашу.
Учтите — эта ложная статья
Мешком камней на совесть ляжет вашу.

<1969, март>



По мнению С. Жильцова, стихотворение является вероятным наброском к песне «Рядовой Борисов».

Из воспоминаний театрального критика М. Туровской: «Блатарь был всего-навсего первым из множества его внесценических образов, но мы еще не знали этого, а артистизм создателя был такой высокой пробы, что образ готовы были посчитать за автопортрет. Это сразу создало вокруг Высоцкого то электрическое облако популярности и опаски, которое искрило и давало разряды до самой его смерти. <...>

Он — законный наследник фольклора подворотни, уличного романса, безымянной блатной лирики. Здесь он нашел дикорастущий жанр городской баллады, пригодный для многого, возделал его терпеливо и получил плод — неповторимый интонационный строй. Отсюда же заимствовал он и первое в цепи перевоплощений — хулигана (старая бродильная закваска российской поэзии). В этом традиционном образе он впервые нарушил вместо Уголовного кодекса общественную тишину и моральное благообразие, продираясь голосом сквозь тупость и твердость согласных, как сквозь кляп во рту».

Песня из цикла для фантастического фильма Рижской киностудии «Последний жулик» (1966) о «светлом будущем», когда останется только один последний жулик; везде полный коммунизм, все бесплатно и преступникам делать нечего, всего в достатке и можно брать просто так. Вероятно, с этой песни фильм должен был начинаться. Не вошла.

Из письма Владимира Высоцкого И. Кохановскому от 29 июня 1966: «Я плюнул на дурацкую щепетильность, и чтобы иметь возможность спокойно работать в театре и там уже что-то создавать, написал песни к трем фильмам, в двух из них сам снимаюсь: „Я родом из детства" — в Минске, скоро он выйдет, „Саша-Сашенька" — комедь, тоже в Минске, пока только идут съемки, и „Последний жулик" — комедь, в Риге, там играет Губенко. Это, правда, не „Тот, кто раньше с нею был", но и не гимны и дифирамбы — везде есть своя, высоцкая, червоточина, которую ты любишь и в которой весь смысл и смак. А потом — за это платят, не очень-очень, но можно не заботиться о том, что нечего жрать, не метаться по телестудиям и так далее».



Перстневые татуировки.
Рисунок Д. С. Балдаева из книги
Russian Criminal Tattoo Encyclopaedia

* * *

Здесь сидел ты, Валет,
Тебе счастия нет,
Тебе карта всегда не в цвет.

Наши общие дни
Ты в душе сохрани
И за карты меня извини!

На воле теперь вы меня забываете,
Вы расползлись все по семьям, домам.
Мои товарищи, по старой памяти
Я с вами веду разговор по душам.

Ты на нарах сидел
Без забот и без дел,
Ты всегда улыбался и пел.

Ты не ждал передач,
Ты был тертый калач,
Мне теперь без тебя — хоть плачь!

На воле теперь вы меня забываете,
Вы расползлись все по семьям, домам.
Мои товарищи, по старой памяти
Я с вами веду разговор по душам.

<1966, июнь>

* * *

Прошлое пусть останется только здесь, в Музее древностей.
Люди постепенно привыкают к чудесам.
Время наступает такое, что каждому — по потребности...
А у меня потребность — все вернуть по адресам.

Вот она, собственность разных людей!
Вещи, как вы сохранились!
Я эту собственность сделал своей,
Но... времена изменились
Навсегда, навсегда!

<Прошлое пусть останется только здесь, в Музее древностей.
Люди постепенно привыкают к чудесам.
Время наступает такое, что каждому — по потребности...
А у меня потребность — все вернуть по адресам.>

Хватит гоняться за мной по пятам,
Мрачное напоминание!
Хватит с меня! Ты задержишься там,
В этой приятной компании
Насовсем, насовсем.

<Прошлое пусть останется только здесь, в Музее древностей.
Люди постепенно привыкают к чудесам.
Время наступает такое, что каждому — по потребности...
А у меня потребность — все вернуть по адресам.>

Ты приходил, чтобы сбить с меня спесь,
Шел к своей гибели прямо...
Я ухожу, ты останешься здесь —
Место твое среди хлама
Навсегда, навсегда!

Песня из того же цикла. В автографе — пометки для действий главного героя, которого в фильме играл Н. Губенко:
«1. После „...времена изменились / Навсегда, навсегда!" — захлопнул двойника крышкой.
2. После „Ты задержишься там, / В этой приятной компании / Насовсем, насовсем". — проходит по музею, показывает на картины».



Плакат, 1939



Из выступлений Владимира Высоцкого: «В этом фильме есть последний жулик, он убегает, много денег у него оказалось. И он думает, что за ним гонятся, отберут, а деньги отменили в этот момент. Никто их забирать не будет. Да-да-да, там все так. Авторы фильма так увидели будущее, что деньги отменят и все будет в полном порядке». (1967)

Время наступает такое, что каждому — по потребности... — Формула коммунизма, описанная К. Марксом в работе «Критика готской программы» (1875): «С введением социалистического общественного строя государство само собой распускается и исчезает. <...> [Рабочий] получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. <...> Когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права и общество сможет написать на своем знамени: „Каждый — по способностям, каждому по потребностям!"» «Критика готской программы» — один из обязательных текстов советской эпохи, изучавшийся во всех вузах СССР в курсе научного коммунизма. Формула: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям» также озвучивалась на уроках истории в старших классах советской школы.

<Прошлое пусть останется только здесь, в Музее древностей.
Люди постепенно привыкают к чудесам.
Время наступает такое, что каждому — по потребности...
А у меня потребность — все вернуть по адресам.>

<1966, июнь>



* * *

У нас вчера с позавчера шла спокойная игра —
Козырей в колоде каждому хватало,
И сходились мы на том, что, оставшись при своем,
Расходились, а потом — давай сначала!

И вот явились к нам они, сказали: «Здрасьте!»
Мы их не ждали, а они уже пришли...
А в колоде как-никак — четыре масти.
Они давай хватать тузы и короли!

И пошла у нас с утра неудачная игра,
Не мешайте и не хлопайте дверями!
И шерстят они нас в пух — им успех, а нам испуг,
Но тузы — они ведь бьются козырями!

И вот явились к нам они, сказали: «Здрасьте!»
Мы их не ждали, а они уже пришли...
А в колоде козырей — четыре масти,
И им достались все тузы и короли!

Шла неравная игра — одолели шулера,
Карта прет им, ну а нам — пойду покличу!
Зубы щелкают у них: видно, каждый хочет вмиг
Кончить дело — и начать делить добычу.

Ох, как явились к нам они, сказали: «Здрасьте!»
Мы их не ждали, а они уже пришли...
А в колоде как-никак — четыре масти,
И им достались все тузы и короли!

Только зря они шустры — не сейчас конец игры!
Жаль, что вечер на дворе такой безлунный!..
Мы плетемся наугад, нам фортуна кажет зад,
Но ничего — мы рассчитаемся с фортуной!

Песня написана для кинофильма «Война под крышами» («Беларусьфильм», 1967. Реж. В. Туров). Не вошла вместе с эпизодом.

Из письма Владимира Высоцкого жене, Л. В. Абрамовой, со съемок фильма «Служили два товарища» 9 августа 1967: «А у Вити Турова во время этой злополучной поездки успел я чуть-чуть сняться, теперь должен лететь в Минск на 2 дня спеть на свадьбе. „А вот явились к нам они, сказали «Здрасьте»". Спою и уеду, как спою, так сразу и уеду... А что мне еще — спел да уехал».

Из выступления Владимира Высоцкого: «В этом фильме, „Война под крышами", я не играю роль, ничего не делаю. Там чуть-чуть меня на свадьбе сняли, во время свадьбы поется песня. И больше меня нет там. Я написал туда просто несколько песен». (1967)

Из воспоминаний Г. М. Яловича: «Помню, как мы поехали на море, просто поваляться на пляже. Рядом играют в карты, играют на деньги, на приличные деньги. Вовка — очень азартный человек — загорелся, сел играть. Проигрался. Абдулов — тоже. Проиграли немного, но все равно обидно. Володя возмущался: „Вот гады! Шулера!" Потом встретили этих ребят еще раз. Они узнали, что мы актеры, и говорят: „Не обижайтесь, ребята, мы на это живем"».

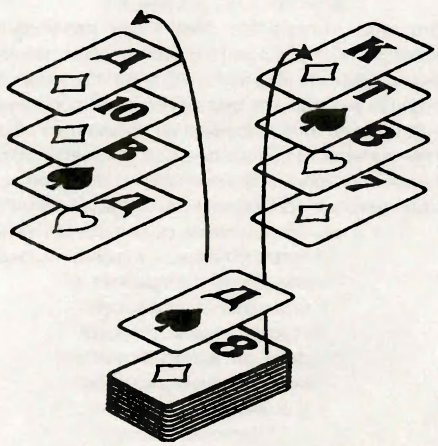


Схема метания колоды в шоссе

...одолели шулера... — шулер (*польск.* szuler с *нем.*) — карточный мошенник. Из книги В. Т. Шаламова «Очерки преступного мира» (1959): «Обман в картах — доблесть. Противник должен заметить обман, разоблачить и тем самым выиграть „роббер".

Все блатные игроки — шулера, но это так и должно быть — умей разоблачить, поймать, доказать... С тем и садятся за игру, обманывая один другого, исполняя шулерские приемы под взаимным контролем».

Вот явились к нам они, сказали: «Здрасьте!»
Мы их не ждали, а они уже пришли...
А в колоде козырей — четыре масти,
И нам достанутся тузы и короли!

<1967, август>



Банька по-белому

Протопи ты мне баньку по-белому —
Я от белого света отвык.
Угорю я, и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Протопи ты мне баньку, хозяюшка,
Раскалю я себя, распалю,
На полоке, у самого краешка
Я сомненья в себе истреблю.

Разомлею я до неприличности,
Ковш холодной — и все позади,
И наколка времен культа личности
Засинеет на левой груди.

Протопи ты мне баньку по-белому —
Я от белого света отвык.
Угорю я, и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Сколько веры и леса повалено,
Сколь изведано горя и трасс!..
А на левой груди — профиль Сталина,
А на правой — Маринка анфас.

Эх! За веру мою беззаветную
Сколько лет отдыхал я в раю!
Променял я на жизнь беспросветную
Несусветную глупость мою.

Протопи ты мне баньку по-белому —
Я от белого света отвык.
Угорю я, и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Стихотворение впервые опубликовано в самиздатовском альманахе «Метрополь» (1978).

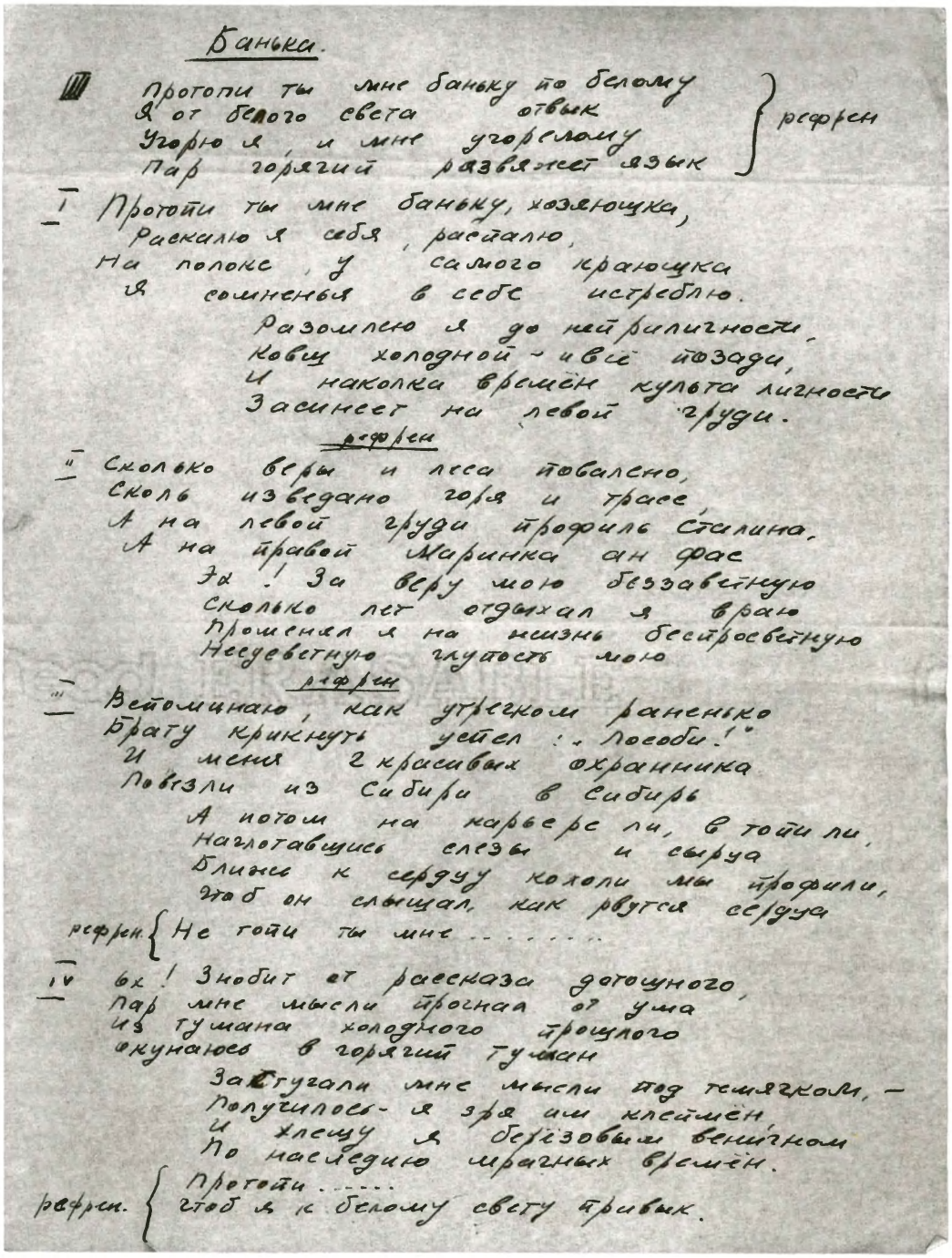
Песня написана во время съемок фильма «Хозяин тайги». История создания ее описана в мемуарном очерке В. Золотухина «Как скажу, так и было, или Этюд о беглой гласной» (впервые опубликовано в журнале «Огонек», 1986, июль).



Владимир Высоцкий и Валерий Золотухин в фильме «Хозяин тайги»

Из письма Владимира Высоцкого В. Смехову 6 августа 1968: «Снимают медленно и неохотно. Меня просто совсем медленно. Золотухина несколько скорее, но все равно. Настроение у нас портится, и на душе скребут кошки во время каждой съемки. Я написал две хреновых песни, обе при помощи Золотухина. У него иногда бывают проблески здравого смысла, и я эти редкие моменты удачно использую».

Из воспоминаний режиссера С. Говорухина: «...Снова обращаюсь к записной книжке. „Август 68-го. Лечу в Красноярск. Оттуда поездом до станции Мана. Потом пешком. Глубокой ночью вхожу в село. Оно расположено на берегу саянской речки и называется очень красиво — Выезжий Лог. Бужу всех собак, с трудом нахожу нужный мне дом. Стучу..."



Банька.

III Протопи ты мне баньку по белому
Я от белого света отвык
Угорю я, и мне угорелому
Пар горячий развяжет язык } рефрен

I Протопи ты мне баньку, хозяющка,
Раскалю я себя, распалю,
На полоке, у самого краюшка
Я сомненья в себе истреблю.
Разомлею я до неприличности,
Ковш холодной - и всё позади,
И наколка времён культа личности
Засинеет на левой груди.

рефрен

II Сколько веры и леса повалено,
Сколь изведано горя и трасс,
А на левой груди профиль Сталина,
А на правой Маринка ан фас
Эх! За веру мою беззаветную
Сколько лет отдыхал я враю
Променял я на жизнь беспросветную
Несусветную глупость мою

рефрен

III Вспоминаю, как утречком раненько
Брату крикнуть успел: „Лособи!"
И меня 2 красивых охранника
Повезли из Сибири в Сибирь
А потом на карьере ли, в топи ли,
Наглотавшись слезы и сырца
Ближе к сердцу кололи мы профили,
Чтоб он слышал, как рвутся сердца
рефрен. { Не топи ты мне .....

IV Ох! Знобит от рассказа дотошного,
Пар мне мысли прогнал от ума
Из тумана холодного прошлого
Окунаюсь в горячий туман
Застучали мне мысли под темячком, —
Получилось - я зря им клеймён,
И хлещу я берёзовым веничком
По наследию мрачных времён.
рефрен. { Протопи .....
Чтоб я к белому свету привык.

Беловой черновик песни «Банька по-белому»

Вспоминаю, как утречком раненько
Брату крикнуть успел: «Пособи!» —
И меня два красивых охранника
Повезли из Сибири в Сибирь.

А потом на карьере ли, в топи ли,
Наглотавшись слезы и сырца,
Ближе к сердцу кололи мы профили,
Чтоб он слышал, как рвутся сердца.

Не топи ты мне баньку по-белому —
Я от белого света отвык.
Угорю я, и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык.

Ох, знобит от рассказа дотошного.
Пар мне мысли прогнал от ума.
Из тумана холодного прошлого
Окунаюсь в горячий туман.

Застучали мне мысли под темечком,
Получилось — я зря им клеймен,
И хлещу я березовым веничком
По наследию мрачных времен.

Протопи ты мне баньку по-белому —
Чтоб я к белому свету привык.
Угорю я, и мне, угорелому,
Пар горячий и ковш холодной развяжет язык.

<1968, до 8 августа>

Открыл мне Валерий Золотухин. Они с Володей снимались тут в „Хозяине тайги". В доме темно — ни керосиновой лампы, ни свечки, электричество отключили в одиннадцать часов вечера. Мы обнялись в темноте, Володя сказал... Что может сказать разбуженный среди ночи человек, которому в шесть утра вставать на работу?

— Какую я песню написал! — сказал тогда Володя.

Я еще рюкзака не снял, а они с Золотухиным уже сели рядышком на лавку и запели на два голоса „Баньку". Никогда больше не слышал я такого исполнения».

Из воспоминаний И. Кохановского: «...Летом 68-го он позвонит мне с Казанского вокзала, только что вернувшись из Сибири, где снимался в фильме „Хозяин тайги". По загадочному тону я пойму, что ему не терпится сообщить о чем-то, но „размениваться" это по телефону тоже неохота, так как сразу пропадает вся интрига. Поэтому только сказал, что сейчас приедет и все расскажет.

Через полчаса он уже был у меня и подстраивал мою гитару. И вдруг я услышал: „Протопи ты мне баньку по-белому — я от белого света отвык. Угорю я, и мне, угорелому, пар горячий развяжет язык".

Он закончил песню и замолчал. Молчал и я. Потом у меня вырвалось:

— Считай, что все, написанное до этого, — детская игра...

— Пожалуй, ты прав, — был ответ.

Потом рассказал, какую действительно классную баньку ему „соорудили" местные мужички и как они к нему проникались, потому как не предполагали, что столичный актер понимает в этом деле толк и всегда вовремя кричит: „Поддай еще"...

— Но вощe, — так он говорил „вообще", — Васечек, хоть пар у них там и вкусней, что ли, пахучее, но в Сандунах зато злее, забористей».

Из книги М. Влади «Владимир, или Прерванный полет»: «В назначенный день ты приезжаешь очень рано. И мы едем в тихое, уединенное место на берегу реки. Ты привез из Сибири песню о людях, попавших в лагерь при Сталине: один человек возвращается, отсидев срок, и просит хозяйку протопить ему баньку по-белому, чтобы убить сомнения, очистить душу. Страшная песня, где впервые ты упоминаешь мое домашнее имя — Маринка. Еще ты мне читаешь первые строфы „Охоты на волков". Я понимаю, что ты приносишь мне в дар эти стихи, которые еще никогда никому не пел. Я пьянею от какой-то ребячливой гордости. Сам Поэт поет мне свои строки, и я становлюсь хранительницей его творчества, его души».



Из интервью друга юности Владимира Высоцкого, А. С. Макарова, В. К. Перевозчикову: «На одном из бдений (был мой день рождения) я услышал „Баньку". Была Марина, были мои приемные родители — Тамара Федоровна Макарова и Сергей Аполлинарьевич Герасимов... Сергей Аполлинарьевич Володю знал мало, более того, он мне однажды сказал:

— А что это твой друг песни с матом поет?

Я говорю:

— С каким это матом? Этого не может быть!

Так вот, Герасимов услышал „Баньку" и сказал мне:

— Да, брат... Это — товар!

Для него это была высшая похвала».

В 1996 в деревне Выезжий Лог рядом с домом, где во время съемок фильма «Хозяин тайги» жил Высоцкий, был установлен памятный знак, на котором барельеф поэта и слова: «Протопи ты мне баньку по-белому, я от белого свету отвык...»

Банька по-белому — на пару, без дыма, «культурная, внутри чистая. Дым — по дымоходу, по трубе и в белый свет. Часто сама топка наружу выведена» (В. Золотухин).

...наколка времен культа личности... — Культ личности — период правления И. В. Сталина (1924–1953), названный так в закрытом докладе Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях».



Татуировка с изображением И. Сталина. Рисунок Д. С. Балдаева из книги Russian Criminal Tattoo Encyclopaedia

А на левой груди — профиль Сталина... — Татуированный портрет Сталина делался на левой груди напротив сердца как своего рода оберег от прицельного выстрела.

Наглотавшись слезы и сырца... — Имеется в виду спирт-сырец, неочищенный этиловый спирт, полуфабрикат.

Банька по-черному

Копи!
Ладно, мысли свои вздорные копи!
Топи,
Ладно, баньку мне по-черному топи!
Вопи,
Все равно меня утопишь, но — вопи!..
Топи,
Только баню мне как хочешь натопи.

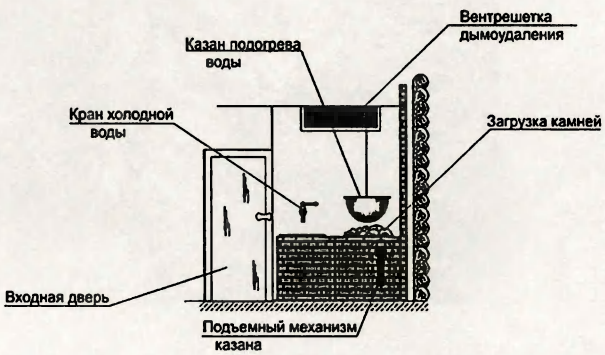
Ох, сегодня я отмаюсь,
Эх, освоюсь!
Но сомневаюсь,
Что отмоюсь.

Не спи,
Где рубаху мне по пояс добыла?!
Топи!
Эх, сегодня я отмоюсь добела.
Кропи!
В бане стены закопченные кропи.
Топи,
Слышишь, баню мне по-черному топи!

Ох, сегодня я отмаюсь,
Эх, освоюсь!
Но сомневаюсь,
Что отмоюсь.

Кричи!
Загнан в угол зельем, словно гончей — лось.
Молчи!
У меня давно похмелье кончилось.
Терпи,
Ты ж сама по дури продала меня!
Топи,
Чтоб я чист был, как щенок, к исходу дня!

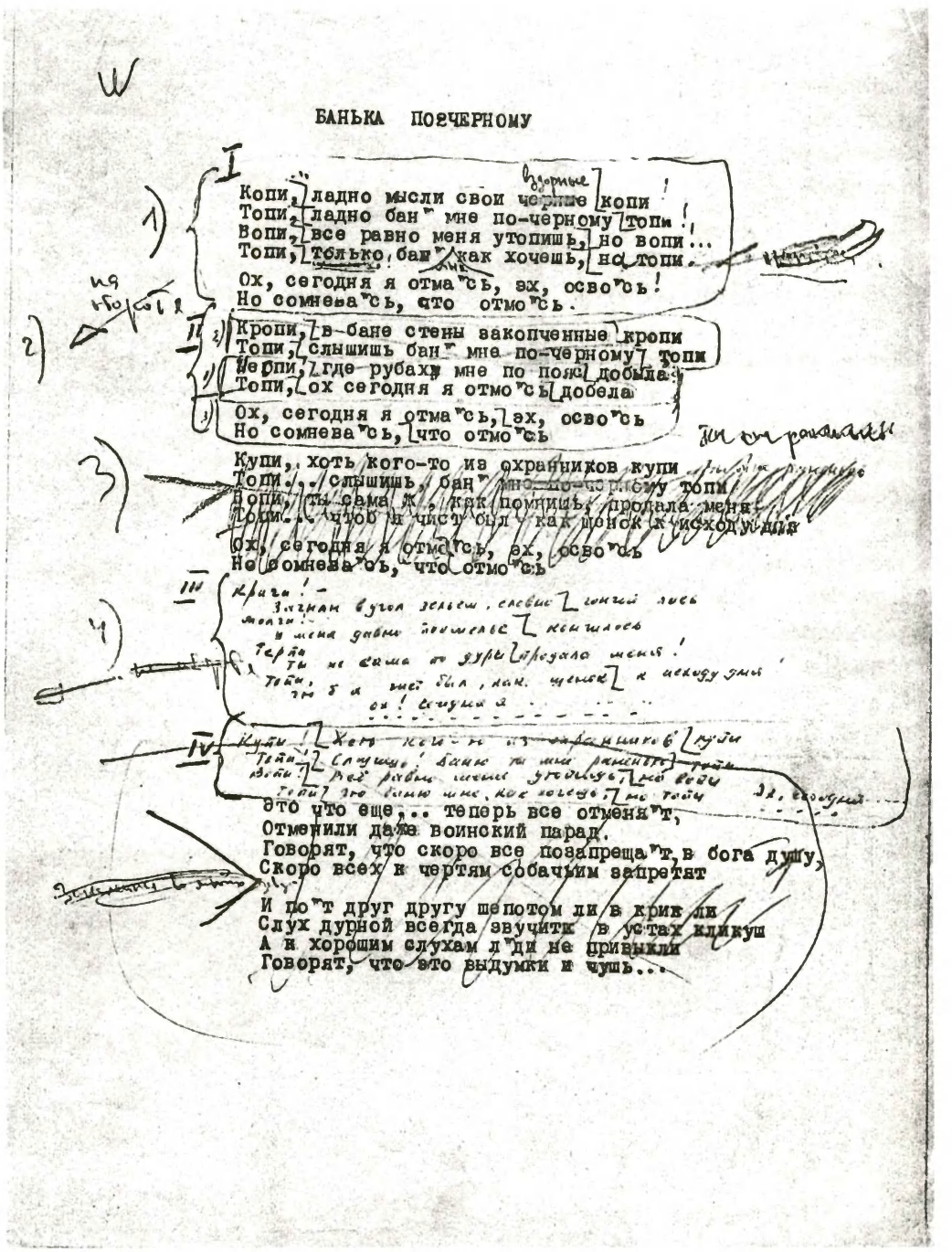
Песня написана одновременно со стихотворением «Отпишите мне в Сибирь, я в Сибири..», по всей видимости, обращена к А. Д. Синявскому, вернувшемуся весной 1971 из заключения.



Вид со стороны парной

Чертеж помещения бани по-черному

Банька по-черному — Из очерка В. Золотухина «Как скажу, так и было, или Этюд о беглой гласной»: «„Чем отличается баня по-белому от бани по-черному?" — спросил он меня однажды. За консультацией по крестьянскому быту, надо сказать, обращался он ко мне часто <...>. На этот раз ответ я знал не приблизительный, потому что отец наш переделывал нашу баню каждый день, то с черной на белую, то с белой на черную, и наоборот — по охоте тела. Баня по-черному — это когда каменка из булыжника или породного камня сложена внутри самого покоя без всяких дымоотводов. Огонь раскаляет докрасна непосредственно те камни, на которые потом будем плескать воду для образования горячего пара. От каменки стены нагреваются, тоже не шибко дотронешься. Дым от сгорания дров заполняет всю внутренность строения и выходит в двери, в щели, где найдет лаз. Такая баня, когда топится, кажется, горит. Естественно, стены и потолок слоем сажи покрываются, которую обметают, конечно, но... Эта баня проста в устройстве, но не так проста в приготовлении. Тут искусство почти. Надо



БАНЬКА ПОЧЕРНОМУ

I

Копи, ладно мысли свои черные копи!
Топи, ладно бан' мне по-черному топи!
Вопи, все равно меня утопишь, но вопи...
Топи, только бан' мне как хочешь, но топи.
Ох, сегодня я отма'сь, эх, осво'сь!
Но сомнева'сь, что отмо'сь.

II

Кропи, в бане стены закопченные кропи
Топи, слышишь бан' мне по-черному топи
Черпи, где рубаху мне по пояс добыла
Топи, ох сегодня я отмо'сь добела
Ох, сегодня я отма'сь, эх, осво'сь
Но сомнева'сь, что отмо'сь

III

Купи, хоть кого-то из охранников купи
Топи... слышишь, бан' мне по-черному топи
Вопи, ты сама ж, как помнишь, продала меня
Топи... чтоб я чист был, как щенок к исходу дня
Ох, сегодня я отмо'сь, эх, осво'сь
Но сомнева'сь, что отмо'сь

IV

Это что еще... теперь все отменя'т,
Отменили даже воинский парад.
Говорят, что скоро все позапреща'т в бога душу,
Скоро всех к чертям собачьим запретят

И по'т друг другу шепотом ли в крик ли
Слух дурной всегда звучит в устах кликуш
А к хорошим слухам л'ди не привыкли
Говорят, что это выдумки и чушь...

Машинопись А. Репникова с правкой Владимира Высоцкого

Ох, сегодня я отмаюсь,
Эх, освоюсь!
Но сомневаюсь,
Что отмоюсь.

Купи!
Хоть кого-то из охранников купи!
Топи!
Слышишь, баню ты мне раненько топи!
Вопи!
Все равно меня утопишь, но — вопи!
Топи.
Эту баню мне как хочешь, но — топи.

Ох, сегодня я отмаюсь,
Эх, освоюсь!
Но сомневаюсь,
Что отмоюсь.

<1971, весна>

угар весь до остатка выжить, а жар первородный сохранить. Это целая церемония: кто идет в первый пар, кто во второй, в третий...»

Из интервью М. М. Шемякина В. Снегиреву: «Володя, как и я, дружил с цыганами. Как-то пришли к нему в Москве на Грузинскую улицу актеры из театра „Ромэн", и он для них исполнил „Баньку по-черному" и „Баньку по-белому". Он мне потом рассказывал: „Вдруг, я смотрю, у многих цыган слезы из глаз текут". А в уголке комнаты сидел Андрей Вознесенский: такой весь из себя стильный, с белым шарфом. „Я чувствую, — рассказывал Володя, — вот-вот цыгане бросятся меня обнимать. Но тут из кресла поднимается Вознесенский, пересекает по диагонали комнату, подходит ко мне. Я встал, гитару отложил. Он хлопает меня по плечу и, чтобы все слышали, говорит: „Старик, растешь"... И все». (2011)

Но сомневаюсь,
Что отмоюсь. —
Ср. с поговоркой «Черного кобеля не отмоешь добела».



Из воспоминаний друга детства и юности Владимира Высоцкого, В. В. Акимова: «В школе в нашей компании никто не умел играть на гитаре. А песни мы пели. Любили петь. Пели, что называется, а капелла. Блатные или похожие на блатные песни. Мы с Володей нашли как-то на пляже в Щукино тетрадку, где были записаны эти блатные песни. И это была удивительная находка. Мы ее изучили вдоль и поперек, потом она куда-то задевалась — скорее всего, кто-то „заиграл". Какие-то песни оттуда повлияли на нас. Там были просто замечательные песни. Одна, например, была такая:

Там лежит вор-бандит,
Он ночами не спит,
Спать ложится на голые доски.

Нас это изумляло, и понять, в чем там дело, было очень сложно».

Досрочка (*жарг.*) — досрочное освобождение из заключения.

* * *

Мне бы те годочки миновать,
А отшибли почки — наплевать!
Знаю, что досрочки не видать,
Только бы не стали добавлять.

<1974–1975>







* * *

Отпустите мне грехи
мои тяжкие,
Хоть родился у реки
и в рубашке я!
Отпустите мою глотку,
друзья мои, —
Ей еще и выпить водку,
песни спеть свои.

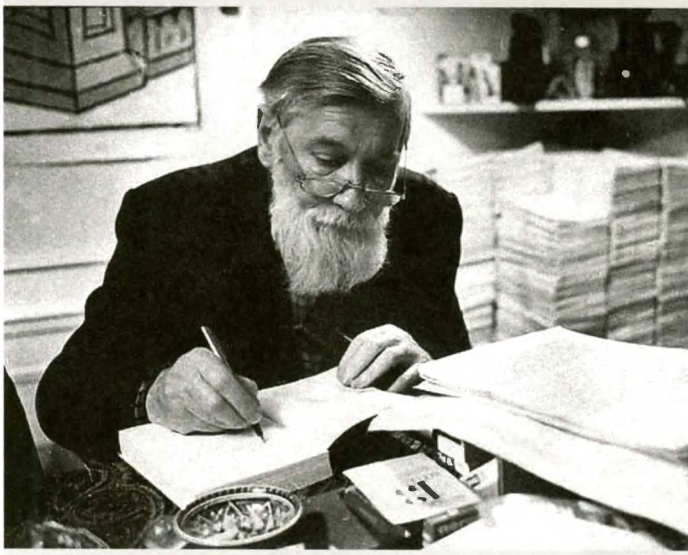
Други, — вот тебе на! —
что вы знаете,
Вы, как псы кабана,
загоняете...

Только на рассвете кабаны
Очень шибко лютые —
Хуже привокзальной шпаны
И сродни с Малютою.

Отпустите ж вы вихры
мои прелые,
Не ломайте руки вы
мои белые,
Не хлещите вы по горлу,
друзья мои, —
Вам потом тащить покорно
из ямы их!

Други, — вот тебе на!
Руки белые,
Снова словно у пацана,
загорелые...

Вот тебе и ночи, и вихры
Вашего напарника, —
Не имел смолы и махры,
Даже накомарника.



Андрей Синявский

Из эссе А. Синявского «Отечество. Блатная песня»: «Блатная песня тем и замечательна, что содержит слепок души народа (а не только физиономии вора), и в этом качестве, во множестве образцов, может претендовать на звание национальной русской песни, обнаруживая — даже на этом нищенском и подозрительном уровне — то прекрасное, что в жизни скрыто от наших глаз. Более того, блатная песня (именно как песня) в своем зерне чиста и невинна, как малое дитя, и глубокой, духовной, нравственной нотой, независимо от собственной воли, отрицает преступления, которые она, казалось бы, с таким знанием воспевает. Но в том-то и дело, что воспевает она нечто другое. Мы не найдем здесь прославления злодейства в его подлинном, бесчеловечном образе, без каких-либо иных поворотов и обертонов, которые его подменяют, смягчают и уводят в сторону, например, „эстетики", „веселья", „несчастной доли", „геройского подвига", „верности", „любви" и т. д. Словно душа народа не может и не хочет признать себя злой, в корне, в основе злой и жаждет добра на самых скользких путях... Славен и велик народ, у которого злодеи поют такие песни. Но и как он, должно быть, смятен и обездолен, если ворам и разбойникам дано эту всеобщую песню сложить полнее и лучше, чем какому-либо иному сословию. До какой высоты поднялся! До каких степеней упал!..»

Вот поэтому и сдох,
весь изжаленный,
Вот поэтому и вздох
был печальный...
Не давите вы мне горло,
мои голеньки,
Горло смерзло, горло сперло.
Мы — покойники.

Други, — вот тебе на!
То вы знаете —
Мародерами меня
раскопаете.

Знаю я ту вьюгу зимы
Очень шибко лютую!
Жалко, что промерзнете вы, —
В саван вас укутаю.

<1971, весна>

А. Д. Синявский преподавал на курсе Высоцкого в Школе-студии МХАТ советскую литературу. По словам Р. М. Вильдана, «чувствовалось, что ему самому это очень неинтересно. Вот дома он раскрывался по-другому, очень интересные мысли высказывал. Где-то со второго или с третьего курса мы к нему ходили, очень хорошие вечера-посиделки у него были». «Андрей Донатович был не то что кумиром Володи, — свидетельствует вторая жена Высоцкого Л. В. Абрамова, — он был почти близким родственником». Синявский высоко ценил ранние песни Высоцкого и первым стал записывать их на магнитофон. Однокурсница Высоцкого Л. Неделько в интервью М. Цыбульскому вспоминает: «Я поразилась, что Андрей Донатович, человек такой тонкой душевной организации, в восторге от Володиных песен... Андрей Донатович был просто поражен тем, что пел Володя Высоцкий. Мы знали, что что-то Володя сам написал, но в основном, как обычно он говорил: „Ну, я спою там..." Думали, что это городской фольклор, а оказалось, что он сам сочинял».

Хуже привокзальной шпаны... — Из интервью второй жены Высоцкого Л. В. Абрамовой В. К. Перевозчикову: «Володя бывал и у Юры Гладкова, который работал в отделении милиции „у трех вокзалов". Мы с Володей даже вместе ходили туда дежурить».

Малюта — Малюта Скуратов (Скуратов-Бельский, Григорий Лукьянович, ?–1573), русский государственный, военный и политический деятель времен Ивана Грозного, один из руководителей опричнины. Прославился своей жестокостью в отношении врагов трона, был непосредственным исполнителем многих смертных приговоров. Под его руководством была совершена расправа над видными московскими боярами Челядниным, Колычевым, Шеиным, Морозовым и многими дворянами, всего погибло около 150 человек. Вместе с ними убили примерно 300 слуг и холопов. В карательной операции против новгородцев в 1570, которой руководил Малюта, было уничтожено более двух тысяч человек. Малюта принимал личное участие в убийстве сосланного в тверской Отрочий монастырь митрополита Московского и всея Руси святителя Филиппа.



Комсомольская площадь в Москве

* * *

Не однажды встречал на пути подлецов,
Но один мне особо запал, —
Он коварно швырнул горсть махорки в лицо,
Нож в живот — и пропал.

Я здоровый, я выжил, не верил хирург,
Ну а я веру в нем возродил, —
Не отыщешь таких и в Америке рук —
Я его не забыл.

Я поставил мечту свою на тормоза,
Встречи ждал и до мести дожил.
Не швырнул ему, правда, махорку в глаза,
Но потом закурил.

Никогда с удовольствием я не встречал
Откровенных таких подлецов.
Но теперь я доволен: ах, как он лежал
Не дыша, среди дров!

<1975>

Из выступления Владимира Высоцкого: «Я почти всегда говорю „я". Это не из-за того, что я все это прошел, потому что понадобилось бы мне много жизней для этого, а оттого, что то, что мне рассказывают люди или я, там, где-то встречу сам, это, вероятно, воспринимается мной и пропущено через душу мою и голову, как если бы это было со мной. И поэтому я имею право при какой-то доле авторской фантазии говорить „я". И там мое присутствует. Хотя бы потому, что я взял и зарифмовал. И из-за этого я так часто пою от себя, от имени моих персонажей, часто меняя. И еще, вероятно, оттого, что я — актер, что профессия моя — актер и что я имею возможность менять маски, что ли, если можно так сказать. Прожить какой-то кусочек, там, две-три минуты, в чужой роли, исполняя написанное самим мною — вот эти вот самые стихи».



Владимир Высоцкий в Череповце, 1978

* * *

Не впадай ни в тоску, ни в азарт ты
Даже в самой невинной игре,
Не давай заглянуть в свои карты
И до срока не сбрось козырей.

Отключи посторонние звуки
И следи, чтоб не прятал глаза,
Чтоб держал он на скатерти руки
И не смог передернуть туза.

Никогда не тянись за деньгами,
Если ж ты, проигравши, поник, —
Как у Пушкина в «Пиковой даме»,
Ты останешься с дамою пик.

Если ж ты у судьбы не в любимцах —
Сбрось очки и закончи на том,
Крикни: «Карты на стол, проходимцы!»
И уйди с отрешенным лицом.

<1975>

Из воспоминаний И. Кохановского: «Мы вообще-то карты не жаловали. У нас во дворе играли, конечно, ребята. Мы иногда с Володей играли тоже. Но сказать, что Володя был картежником, нельзя».

...Как у Пушкина в «Пиковой даме»,
Ты останешься с дамою пик. —
Имеется в виду эпизод из VI главы повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» (1833): «В следующий вечер Германн явился опять у стола. Все его ожидали. Генералы и тайные советники оставили свой вист, чтоб видеть игру, столь необыкновенную. Молодые офицеры соскочили с диванов; все официанты собрались в гостиной. Все обступили Германна. Прочие игроки не поставили своих карт, с нетерпением ожидая, чем он кончит. Германн стоял у стола, готовясь один понтировать противу бледного, но все улыбающегося Чекалинского. Каждый распечатал колоду карт. Чекалинский стасовал. Германн снял и поставил свою карту, покрыв ее кипой банковых билетов. Это похоже было на поединок. Глубокое молчание царствовало кругом.

Чекалинский стал метать, руки его тряслись. Направо легла дама, налево туз.

— Туз выиграл! — сказал Германн и открыл свою карту.

— Дама ваша убита, — сказал ласково Чекалинский.

Германн вздрогнул: в самом деле, вместо туза у него стояла пиковая дама. Он не верил своим глазам, не понимая, как мог он обдернуться.

В эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась».



Разбойничья

Как во смутной волости
Лютой, злой губернии
Выпадали мóлодцу
Все шипы да тернии.

Он обиды зачерпнул, зачерпнул
Полные пригоршни,
Ну а горе, что хлебнул, —
Не бывает горше.

Пей отраву, хоть залейся!
Благо денег не берут.
Сколь веревочка ни вейся —
Все равно совьешься в кнут!

Гонит неудачников
По́ миру с котомкою.
Жизнь текет меж пальчиков
Паутинкой тонкою.

А которых повело, повлекло
По лихой дороге —
Тех ветрами сволокло
Прямиком в остроги.

Тут на милость не надейся —
Стиснуть зубы да терпеть!
Сколь веревочка ни вейся —
Все равно совьешься в плеть!

Ах, лихая сторона,
Сколь в тебе ни рыскаю —
Лобным местом ты красна
Да веревкой склизкою!..

Песня написана для кинофильма «Как царь Петр арапа женил» («Мосфильм», 1976. Реж. А. Митта). В фильм не вошла.

Из выступлений: «И я думаю, что скоро вы уже увидите фильм и услышите, там я буду петь одну песню, „Разбойничью". Может быть, я буду петь, может быть, Золотухин, который вместе со мной снимается и играет моего слугу. Мы с ним и в театре вместе работаем, и всегда вместе поем мои песни, когда снимаемся вместе, вот и работаем в кино».

«А потом хотели, чтоб там были какие-то каторжники и чтоб они просили: „Почитай, мол, Писание". А он ходит с Платоном, он говорит: „Писание?" И взял, почитал им какую-то фразу из Платона. „О! Божье слово, — этот каторжник говорит, — какое! Не слыхал никогда". Они сидят, каторжники, и поют эту песню „Разбойничью". Значит, ничего нет этого, даже этого эпизода нету, ничего».

«Песня из фильма, о котором я вам говорил, из „Арапа", которая там не состоялась, называется она „Разбойничья песня". Там был такой эпизод, когда сидят каторжники и между ними арап на стапелях. Там на верфи это дело происходит. Они сидят у костров, греются, и дают ему даже водочки выпить, и потом долго обсуждают, говорят, что, дескать, а вот у них в Африке как же? Ему холодно, потому что там у них жара все время. А кто-то говорит: „А что ж, у них и озимых нету?" Ну и так далее. Они поют в это время такую песню». (1976)

Острог — крепостная стена из вкопанных вплотную и заостренных кверху столбов; на Руси и в царской России — место заключения осужденных, тюрьма.

Лобное место — место казни.

А повешенным сам дьявол-сатана
Голы пятки лижет. —
По наблюдению А. В. Скобелева, в песне присутствует перекличка со стихотворением А. Рембо «Бал повешенных» (перевод П. Антокольского):

На черных виселичных балках
Висят лихие плясуны.
Кривляясь в судорогах жалких,
Танцуют слуги сатаны. <...>
Их пятки жесткие без туфель обойдутся.
С них кожа содрана —
Лишь кое-где клочки...

Книга Рембо «Стихотворения» (М., 1960), включающая указанное стихотворение (с. 35), есть в библиотеке Высоцкого.



Владимир Высоцкий на съемках фильма «Сказ про то, как царь Петр арапа женил»

А повешенным сам дьявол-сатана
Голы пятки лижет.
Смех, досада, мать честна! —
Ни пожить, ни выжить!

Ты не вой, не плачь, а смейся —
Слез-то нынче не простят.
Сколь веревочка ни вейся —
Все равно укоротят!

Ночью думы муторней.
Плотники не мешкают —
Не успеть к заутренней:
Больно рано вешают.

Ты об этом не жалей, не жалей, —
Что тебе отсрочка?
На веревочке твоей
Нет ни узелочка.

Лучше ляг да обогрейся —
Я, мол, казни не просплю...
Сколь веревочка ни вейся —
А совьешься ты в петлю!

<конец 1975>

Побег «на рывок»

Посвящается Вадиму Туманову

Был побег *на рывок* —
Наглый, глупый, дневной.
Вологодского с ног
И — вперед головой!

И запрыгали двое,
В такт сопя на бегу,
На виду у конвоя
Да по пояс в снегу.

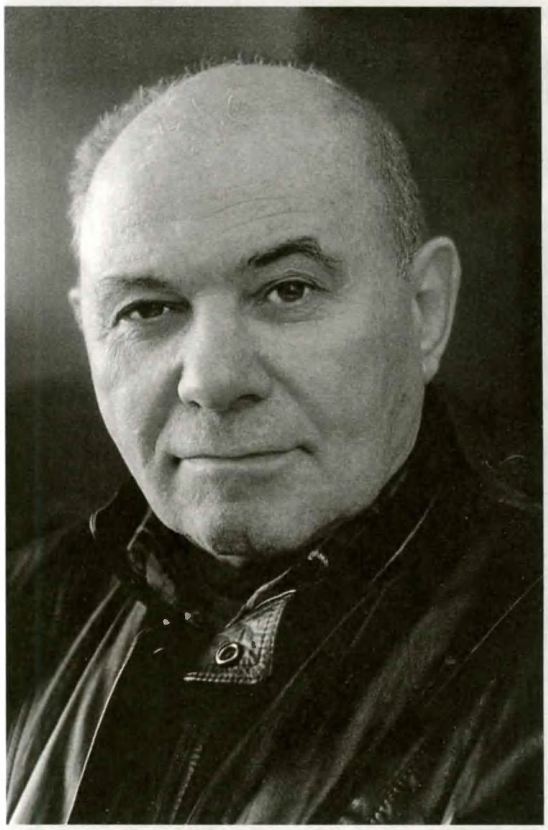
Положен строй в порядке образцовом,
И взвыла «Дружба» — старая пила,
И осенили знаменьем свинцовым
С очухавшихся вышек три ствола.

Все лежали плашмя,
В снег уткнули носы.
А за нами двумя —
Бесноватые псы.

Девять граммов горячие,
Как вам тесно в стволах!
Мы на мушках корячились,
Словно как на колах.

Нам — добежать до берега, до цели,
Но свыше — с вышек — все предрешено.
Там у стрелков мы дергались в прицеле,
Умора просто, до чего смешно.

Вот бы мне посмотреть,
С кем отправился в путь,
С кем рискнул помереть,
С кем затеял рискнуть.



Вадим Туманов

Туманов Вадим Иванович (р. 1927) — российский предприниматель, золотопромышленник, друг Высоцкого. В 1948 был арестован по 58-й статье «за антисоветскую деятельность». Восемь лет провел в колымских лагерях. Несколько раз предпринимал попытки побега. Его рассказы легли в основу некоторых песен Высоцкого. О своей жизни Туманов рассказал в книге «Все потерять — и вновь начать с мечты...» (М., 2004).

Из книги воспоминаний В. Туманова «Все потерять — и вновь начать с мечты...»: «В один из таких дней нас с Толей посылают переносить из сарая в каменоломню кайла и лопаты в сопровождении начальника конвоя. Мы метрах в шестидесяти от карьера, где за пыльной завесой заключенные стучат ломами по камням. Поблизости двухэтажные

дома. <...> В голове моментально просчитываются расстояния от склада до нашего охранника, затем от него до поселка и до каменоломни. Наметанный глаз быстро оценивает окружающее пространство. На десятки шагов ни одного автомата, кроме того, что на груди у нашего конвоира. Мы с Толей переглядываемся и понимаем друг друга. „Рвем?" — „Давай". Мне нужно, проходя мимо конвоира, одним рывком оказаться с ним лицом к лицу, поймать автомат левой рукой, правой ударить его, а затем обоим рвануть в разные стороны к лесу. Что делать дальше, видно будет, а пока — бежать! Оказавшись близко от конвоира, я вижу, как он сосредоточенно что-то ищет в карманах. У меня в животе похолодело — пора! Я прыгаю к нему, но сильно ударяюсь пальцами об автомат — потом с месяц болела вся рука. Все же удается схватиться за автомат и нанести удар.

<...> Мы, как условились, кинулись в разные стороны, но через десять–двенадцать прыжков я запутался в витках проводов на земле. Падаю, меня настигает конвой. Не видел, как и чем меня били, — пришел в себя на вторые сутки в изоляторе. Я сильно, очень сильно избит, но, очнувшись, с радостным удивлением обнаруживаю, что все зубы целы! Это невероятно. Зубы оказываются прочнее всех частей тела. Бывало, меня били прикладом по голове, иногда так, что голова, казалось, отлетала в сторону, но зубы в хрящевых окопах стояли насмерть. <...>

Толе удается убежать, но потом и его ловят. Некоторое время спустя при очередной попытке бежать его застрелили».

Был побег на рывок... (*жарг.*) — внезапный, неожиданный побег во время этапа или другого передвижения заключенных за пределами охраняемой лагерной зоны.

Вологодский... — охранник, из уроженцев Вологды. В арестантском мире вологодский конвой считается самым безжалостным. Существует лагерная поговорка, произносимая с характерным оканьем: «Вологодский конвой шутить не любит».

Пила «Дружба» — ручная цепная бензомоторная пила. Выпускается с 1954. Имеет высокую раму руля, обеспечивающую высокую производительность и удобство при работе, особенно в условиях высокого снежного покрова. Удаленность аппарата управления от двигателя и пильного аппарата позволяет оператору работать без наклона, что снижает утомляемость, повышает обзор лесосеки

Где-то виделись будто.
Чуть очухался я,
Прохрипел: «Как зовут-то?
И какая статья?»

Но поздно — зачеркнули его пули
Крестом: затылок, пояс, два плеча.
А я бежал и думал: «Добегу ли?» —
И даже не заметил сгоряча.

Я к нему, чудаку:
Почему, мол, отстал?
Ну а он — на боку
И мозги распластал.

Пробрало! Телогрейка —
Аж просохла на мне.
Лихо бьет трехлинейка —
Прямо как на войне.

Как за грудки, держался я за камни.
Когда собаки близко — не беги!
Псы покропили землю языками
И разбрелись, слизав его мозги.

Приподнялся и я,
Белый свет стервеня,
И гляжу: «кумовья»
Поджидают меня.

Пнули труп: «Сдох, скотина!..
Нету проку с него».
За поимку — полтина,
А за смерть — ничего.

И мы прошли гуськом перед бригадой,
Потом — за вахту, отряхнувши снег.
Они — обратно в зону, за наградой,
А я — за новым сроком за побег.

Я сначала грубил,
А потом перестал.
Целый взвод меня бил,
Аж два раза устал.

Зря пугают тем светом:
Тут — с дубьем, там — с кнутом.
Врежут там — я на этом,
Врежут здесь — я на том.

Я гордость под исподнее упрятал —
Видал, как пятки лижут гордецы!
Пошел лизать я раны в лизолятор,
Не зализал — и вот они, рубцы.

Надо б нам вдоль реки —
Он был тоже не слаб, —
Чтоб людям не с руки,
А собакам — не с лап.

Вот и сказке конец —
Зверь бежал на ловца —
Снес, как срезал, ловец
Беглецу пол-лица.

<1977>

и безопасность работ. Выхлоп продуктов сгорания происходит далеко от лица оператора и не оказывает на него вредного воздействия.

Девять граммов горячие... — пуля.

«Как зовут-то? И какая статья?» — При перекличке заключенные должны называть фамилию и номер статьи, по которой они осуждены.

Трехлинейка — винтовка Мосина. Разработана и принята к серийному выпуску в 1891. С. Мосин переделал однозарядную винтовку в магазинную, значительно уменьшив при этом калибр оружия — с 10,67 до 7,62 миллиметров. Народное название винтовки — трехлинейка — возникло потому, что созданная Мосиным винтовка имела калибр три линии, в отличие от прежней, четырехлинейной (линия равна 2,54 миллиметра, или одной десятой дюйма). Длина винтовки без штыка — 1306 мм, со штыком — 1734 мм. Длина ствола — 800 мм. Масса винтовки без штыка — 3,99 кг, со штыком — 4,3 кг. Прицельная дальность — 2700 шагов. Начальная скорость пули — 620 м/с. Винтовка Мосина неоднократно модернизировалась. Состояла на вооружении российской и советской армии до 1950-х.

Кум (*жарг.*) — оперработник мест лишения свободы.

А я — за новым сроком за побег... — За побег давали срок до 3 лет.

Врежут там — я на этом,
Врежут здесь — я на том. —
Из книги воспоминаний В. Туманова «Все потерять — и вновь начать с мечты...». Рассказ об Артуре Дэнисе: «Вышел из изолятора, рассказывал: „Ты же знаешь Лобанова" — при этом выразительно смотрел на стол, где стоял громадный грязный чайник, и показывал: „Кулаки у него, как чайник... Как поймал он меня за душу, как врезал — я на том свете. Опять врезал — нет, смотрю, на этом"».

Лизолятор — штрафной изолятор (ШИЗО), тюремное помещение на зоне для нарушителей режима содержания, карцер.

В черновом автографе третья строфа записана на обороте листочка, то есть позже основного текста, однако общий смысл стихотворения позволяет предположить, что она не является его финалом. Судя по времени написания, не исключено, что текст подготовлен либо для не вышедшего кинофильма по сценарию И. Шевцова и В. Высоцкого «Зеленый фургон» (работа 1979–1980) либо для телефильма «Наше призвание» (1981).

Из выступления Владимира Высоцкого: «Над чем работаю в настоящее время... Я собираюсь делать, может быть, сам свое кино. То есть не свое кино, а быть режиссером одного из сценариев, который мне предложили по знаменитой маленькой повести Казачинского „Зеленый фургон". Уже была такая картина, но у нас есть возможность сделать двухсерийную картину для телевидения, а может быть, просто и для выхода на экраны, другого немножечко плана. Совсем другого плана. <...> Там будет очень много моих песен и я там буду, может быть, и играть еще, но обязательно хочу снять ее как режиссер». (1979)

Неужто здесь сошелся клином свет... — перифраз из популярной песни О. Фельцмана на слова М. Танича «На тебе сошелся клином белый свет» из репертуара Э. Пьехи. У Высоцкого были особые отношения с этой песней. На своих концертах, говоря о современной эстраде, он неизменно приводил ее в пример как образец абсолютной бессодержательности. В одном из выступлений Высоцкий вспоминал: «У меня однажды, знаете, какой был случай смешной в Ленинграде. Мы поспорили с моим товарищем, он говорит: „А что, — говорит, — слабо тебе выйти и спеть все песни, вот, известные эстрадные". Я вышел и стал петь нормальные эстрадные песни. Минут через двадцать меня чуть не убили зрители. Я начал с песни „На тебе сошелся клином белый свет". Там очень смешная песня. Верно? Два... Там три раза:

На тебе сошелся клином белый свет,
На тебе сошелся клином белый свет,
На тебе сошелся клином белый свет,
И мелькнул за поворотом санный след.

А наверху написано два автора текста, оказывается. Вот какая богатая информация — надо было бы четырех».

* * *

Неужто здесь сошелся клином свет,
Верней, клинком ошибочных возмезди[й]...
И было мне неполных двадцать лет,
Когда меня зарезали в подъезде.

Он скалился открыто — не хитро́,
Он делал вид, что не намерен драться,
[И в<д>руг] — ножом под нижнее ребро,
И вон — не вынув, чтоб не зама[ра]ться.

Еще спасибо, что стою не в луже,
И лезвие продвинулось чуть глубже,
И стукнула о кафель рукоять,
Но падаю — уже не устоять.

Да будет выть-то! Ты не виновата —
Обманут я улыбкой и добром.
Метнулся в подворотню луч заката
И спрятался за мусорным ведром...

<1980, до 1 июня>


Ф. ТГ-12
МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР
ТЕЛЕГРАММА
ПРИЕМ 16 1537 ПЕРЕДАЧА:
БЛ. №98
МОСКВА М ГРУЗИНСКАЯ Д
28 КВ 30 ВЫСОЦКОМУ
МИНСК 23/960 19 16 1222
ПЕРЕЕЗЖАЕМ СЕРПУХОВ СЬЕМКАХ СООБЩИМ ДОПОЛНИТЕЛЬНО
КАРТИНА ВЫСОКОЕ ПРИЗВАНИЕ УВАЖЕНИЕМ-ДИРЕКТОР ШАПИРО-



II. Страдания

Татуировка

Не делили мы тебя и не ласкали,
А что любили — так это позади.
Я ношу в душе твой светлый образ, Валя,
А Леша выколол твой образ на груди.

И в тот день, когда прощались на вокзале,
Я тебя до гроба помнить обещал,
Я сказал: «Я не забуду в жизни Вали»,
«А я — тем более», — мне Леша отвечал.

И теперь реши, кому из нас с ним хуже,
И кому трудней, попробуй разбери:
У него — твой профиль выколот снаружи,
А у меня — душа исколота снутри.

И когда мне так уж тошно, хоть на плаху, —
Пусть слова мои тебя не оскорбят —
Я прошу, чтоб Леша расстегнул рубаху,
И гляжу, гляжу часами на тебя.

Но недавно мой товарищ, друг хороший,
Он беду мою искусством поборол:
Он скопировал тебя с груди у Леши
И на грудь мою твой профиль наколол.

Знаю я, своих друзей чернить неловко,
Но ты мне ближе и роднее оттого,
Что моя, верней, твоя татуировка
Много лучше и красивше, чем его.

<1961, до 29 июля>



Киев, 1972

По многочисленным воспоминаниям современников, песня впервые была исполнена на проводах Левона Кочаряна в Севастополь 29 июля 1961. В последнее время есть свидетельства того, что основной вариант песни появился только осенью — в Ленинграде.

Из выступления Владимира Высоцкого: «Я первую песню свою написал в Ленинграде, здесь, пять лет тому назад. Ехал однажды в автобусе и увидел — это летом было — впереди себя человека. У него была распахнута рубаха и на груди татуировка — женщина нарисована была, красивая женщина. И внизу было написано: „Люба! Я тебя не забуду!" Потом я написал такую песню, которая называется „Татуировка", но, правда, вместо „Любы" для рифмы поставил „Валя". Почему-то мне захотелось написать про это. Вот я и сделал. Это была первая песня». (1967)

Из интервью второй жены Высоцкого Л. В. Абрамовой В. К. Перевозчикову: «Они ведь в Театре миниатюр (!) хотели ставить „Татуировку", хотели делать спектакль по Володиным песням — тогдашним! — а ведь это февраль 1962 года. Володя уже тогда понимал, что это — репертуар! И они говорили, что „Татуировку" можно ставить как драму или пьесу...»



Мужская тюремная татуировка, 1960-е. Рисунок Д. С. Балдаева из книги Russian Criminal Tattoo Encyclopaedia



Людмила Абрамова, 1968

Из письма Высоцкого Л. В. Абрамовой 4 марта 1962 из Свердловска: «И еще, хотят инсценировать мою „Татуировку". Сделать пародию на псевдолирику и псевдо же блатнянку. Я бу́ду петь, а в это время будут играть то, что там есть: например, „Я прошу, чтоб Леша расстегнул рубаху, и гляжу, гляжу часами на тебя!". Актер, играющий Лешу, рвет на груди рубаху — там нарисована женщина-вампир, или русалка, или сфинкс, или вообще бог знает что. Другой становится на колени, плачет, раздирает лицо и глядит, а сзади часы — стрелки крутятся. Можно, чтобы он глядел 7, 8, 9, 10, 11, 12 (больше нельзя) часов. Так всю песню можно сделать. Но это — проект. И потом — мне немного жаль Алешу, Валю и самого, у кого душа исколота снутри».

Татуировка — изображение на человеческом теле, сделанное с помощью введения под кожу красителей. В СССР долгое время была приметой людей с уголовным прошлым или моряков. Часто татуировки, наколки, делали себе трудные подростки в знак своего отличия от общей массы ровесников.

Исследователями творчества Высоцкого отмечена ироническая перекличка сюжета песни со строками из стихотворения М. Ю. Лермонтова (1837):

Расстались мы, но твой портрет
Я на груди моей храню.

Красное, зеленое

Красное, зеленое, желтое, лиловое,
Самое красивое — на твои бока!
А если что дешевое — то новое, фартовое,
А ты мне — только водку, ну и реже — коньяка.

Бабу ненасытную, стерву неприкрытую,
Сколько раз я спрашивал: «Хватит ли, мой свет?»
А ты — всегда испитая, здоровая, небитая —
Давала мине водку и кричала: «Еще нет!»

На тебя, отраву, деньги словно с неба сыпались —
Крупными купюрами, «займом золотым».
Но однажды всыпались и, сколько мы ни рыпались, —
Все прошло, исчезло, словно с яблонь белый дым.

Бог с тобой, с проклятою, с твоею верной клятвою
О том, что будешь ждать меня ты долгие года!
А ну тебя, патлатую, тебя саму и мать твою,
Живи себе как хочешь, — я уехал навсегда!

<1961, до октября>

Высоцкий неоднократно называл эту песню своей второй песней, после «Татуировки».

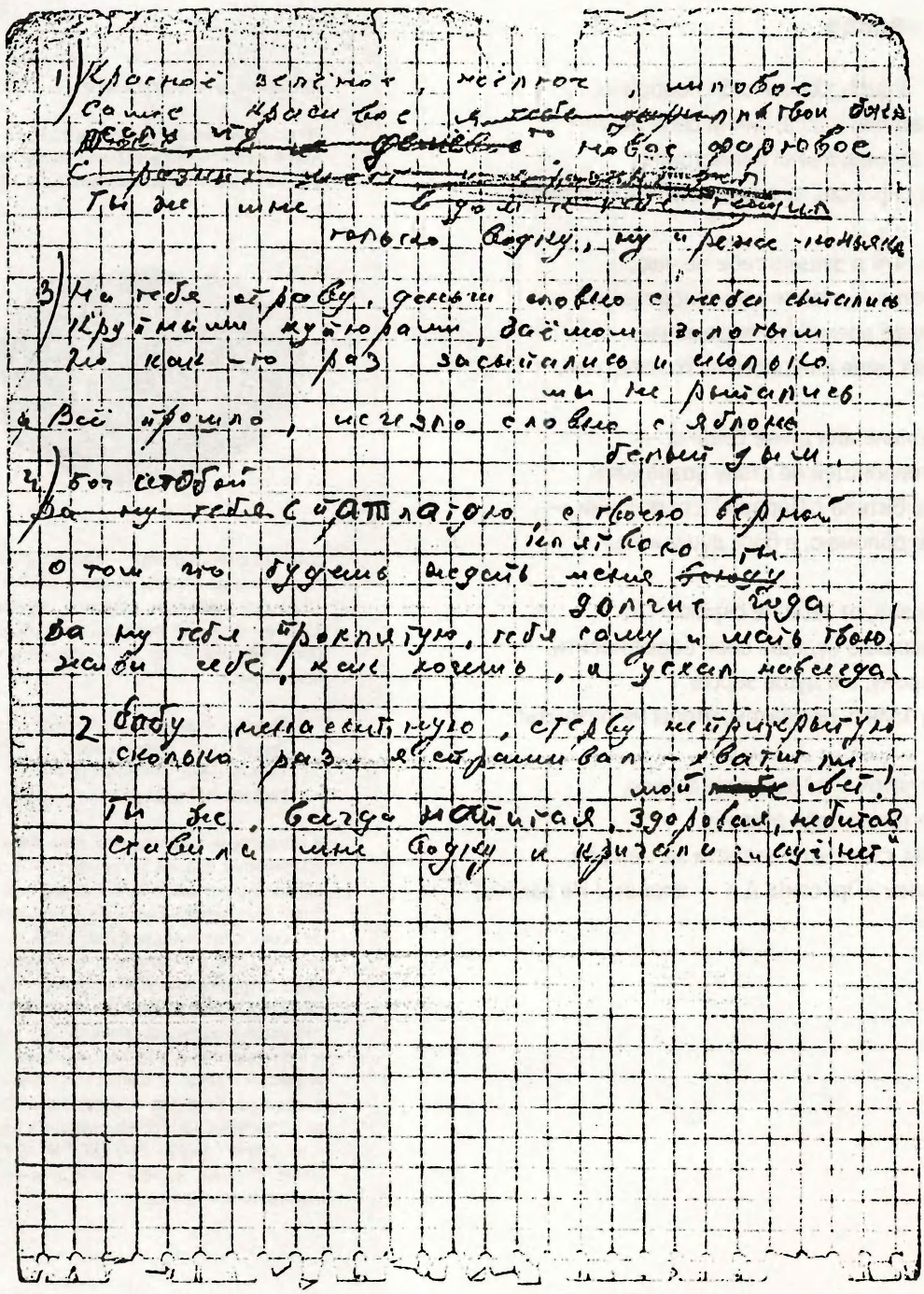
Из выступления Владимира Высоцкого в Институте русского языка: «Они уж совсем такие полууголовные. Но они смешные. Песня „Красное, зеленое". Старая песня». (1966)



...«займом золотым». — В экономической практике советского правительства была распространена добровольно-принудительная система т. н. «государственных займов», называемых в народе «золотыми» по аналогии с займами царского правительства, обеспечивавшимися золотым запасом. В послевоенные годы средства от размещения советских государственных займов (5 выпусков займов восстановления и развития народного хозяйства СССР 1946–1950 и займы развития народного хозяйства СССР 1951–1957) способствовали восстановлению и развитию советской экономики. Поступления в государственный бюджет СССР от государственных займов в период 1946–1958 составили 260 млрд руб. (в денежном масштабе до 1961). Государственные займы погашались в течение 1970–1980-х.

Все прошло, исчезло, словно с яблонь белый дым. — Перифраз строки из стихотворения С. А. Есенина «Не жалею, не зову, не плачу»: «Все пройдет, как с белых яблонь дым». Творчество Есенина, длительное время находившееся под запретом, было особо почитаемо в криминальной среде. Ср. с блатной песней «Письмо матери (любимой)»:

Ты пишешь мне, что ты по горло занят,
А лагерь выглядит суровым и глухим.
А ведь у нас на родине в Рязани
Вишневый сад расцвел, как белый дым.



Черновик песни «Красное, зеленое»

Рыжая шалава

Что же ты, зараза, бровь себе подбрила,
Для чего надела, падла, синий свой берет?
И куда ты, стерва, лыжи навострила?
От меня не скроешь ты в наш клуб второй билет.

Знаешь ты, что я души в тебе не чаю,
Для тебя готов я днем и ночью воровать.
Но в последне время что-то замечаю,
Что ты стала мине слишком часто изменять.

Если это Колька или даже Славка, —
Супротив товарищей не стану возражать,
Но если это Витька с Первой Перьяславки, —
Я ж те ноги обломаю, в бога душу мать!

Рыжая шалава, от тебя не скрою:
Если ты и дальше будешь свой берет носить,
Я тебя не трону, а в душе зарою
И прикажу залить цементом, чтобы не разрыть!

А настанет лето — ты еще вернешься,
Ну а я себе такую бабу отхвачу,
Что тогда ты, стервь, от зависти загнешься,
Скажешь мне: «Прости!» А я — плевать! Не захочу!

<конец 1961>

Песня имела название «Зараза».

Из воспоминаний И. Кохановского: «В нашей компании, например, представляли подруг так: „Моя шалава". Ничего в этом оскорбительного не было».



...синий свой берет? — Как отмечает А. В. Скобелев, женские береты вошли в СССР в моду с конца 1920-х и получили широкое распространение в 1930-е; тогда же появилась песня «Синий берет» (авторов слов и музыки установить не удалось) с припевом:

> Вижу знакомый родной силуэт,
> Синий берет, синий жакет,
> Темная юбка, девичий стан —
> Мой мимолетный роман.

В фольклорных переделках этой песни припев имел изменяемые строки, но синий берет оставался стабильной ключевой деталью. Синий (или темно-синий) берет был непременным форменным головным убором советских женщин с лета 1936 и оставался таковым по 1960-е включительно: сначала он полагался лишь сотрудницам ГУЛАГа (приказ наркома внутренних дел СССР № 233 от 25.06. 1936) и женщинам-военнослужащим, состоящим на должностях командного состава, а также слушательницам военных академий и школ. В ноябре 1941 синие береты были введены в качестве летнего головного убора уже для всех женщин-военнослужащих как в армии, так и на флоте (приказ НКО СССР № 491), кроме того, синие береты носили женщины-милиционеры и женщины-пожарные.



Москва, Большая Переяславская, начало 1960-х

...с Первой Перьяславки... — Большая Переяславская улица в Мещанском районе Москвы, проходит параллельно проспекту Мира, бывшей Первой Мещанской — улицы детства Высоцкого.

И прикажу залить цементом, чтобы не разрыть! — По решению XXII съезда КПСС (17–31 октября 1961) в ночь на 1 ноября 1961 тело Сталина было вынесено из Мавзолея и захоронено у Кремлевской стены. По свидетельству командира Кремлевского полка Ф. Конева: «Было распоряжение прикрыть его двумя железобетонными плитами. Но мы просто засыпали его землей». Среди населения ходил слух о том, что могила Сталина была якобы залита цементом.

По указанию А. В. Скобелева, также в слухах существовала версия о том, что цементом были залиты тела расстрелянной царской семьи; цементом действительно была залита могила св. Иоанна Кронштадтского в Ленинграде (1923). В повести А. П. Гайдара «Военная тайна» о похоронах Альки сказано: «На скале, на каменной площадке, высоко над синим морем, вырвали остатками динамита крепкую могилу. <...> Они навалили груду тяжелых камней, пробили отверстие, крепко залили цементом, забросали бугор цветами. И поставили над могилой большой красный флаг».



Владимир Высоцкий, 1975

У тебя глаза как нож

У тебя глаза как нож:
Если прямо ты взглянешь, —
Я забываю, кто я есть и где мой дом,
А если косо ты взглянешь, —
Как по сердцу полоснешь
Ты холодным острым серым тесаком.

Я здоров, к чему скрывать, —
Я пятаки могу ломать,
Я недавно головой быка убил,
Но с тобой жизнь коротать —
Не подковы разгибать,
А прибить тебя — морально нету сил!

Вспомни, было ль хоть разок,
Чтоб я и́з дому убег?
Ну когда же надоест тебе гулять!
С грабежу я прихожу —
Язык за спину заложу
И бежу тебя по городу шукать.

Я все ноги исходил,
Велосипед себе купил,
Чтоб в страданьях облегчения была.
Но налетел на самосвал,
К Склифосовскому попал —
Навестить меня ты даже не пришла.

И хирург, седой старик,
Он весь обмяк и как-то сник,
Он шесть суток мою рану зашивал.
А когда кончился наркоз,
Стало больно мне до слез:
Для кого ж я своей жизнью рисковал?!



Людмила Абрамова, 1969

Из комментария Владимира Высоцкого: «Пародия на так называемые блатные песни». (1966)

По многочисленным свидетельствам современников, песня посвящена Л. Абрамовой (И. Кохановский: «У нее точно — глаза как нож»), однако ни в фонограммах, ни в текстах посвящение пока не зафиксировано. Иногда в публично исполняемых вариантах вместо «грабежу» Высоцкий пел «гаражу».

Шукать (от *укр.* шукати, искать) (*жарг.*) — искать.



К Склифосовскому попал... — в Научно-исследовательский институт скорой помощи им. Н. В. Склифосовского в Москве.

...И обрею тебя наголо совсем! — Одна из традиционных форм наказания публичных женщин.



Ты не радуйся, змея,
Скоро выпишут меня —
Отомщу тебе тогда без всяких схем.
Я тебе точно говорю:
Вострy бритву навострю
И обрею тебя наголо совсем!

<конец 1961>



Тот, кто раньше с нею был

В тот вечер я не пил, не пел —
Я на нее вовсю глядел,
Как смотрят дети, как смотрят дети.
Но тот, кто раньше с нею был,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Что мне не светит.

И тот, кто раньше с нею был, —
Он мне грубил, он мне грозил,
А я все помню — я был не пьяный.
Когда ж я уходить решил,
Она сказала: «Не спеши!»
Она сказала: «Не спеши,
Ведь слишком рано!»

Но тот, кто раньше с нею был,
Меня, как видно, не забыл,
И как-то в осень, и как-то в осень
Иду с дружком, гляжу — стоят.
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд —
Их было восемь.

Со мною — нож, решил я: что ж,
Меня так просто не возьмешь!
Держитесь, гады! Держитесь, гады!
К чему задаром пропадать?
Ударил первым я тогда,
Ударил первым я тогда —
Так было надо.

Но тот, кто раньше с нею был, —
Он эту кашу заварил
Вполне серьезно, вполне серьезно.

Песня носила название «Их было восемь». Без указания авторства вошла в спектакль Московского театра драмы и комедии «Микрорайон» (1963). Была записана на пластинку «Натянутый канат» (Polydor, 1977). Опубликована в самиздатовском альманахе «Метрополь» (1978).

Из автокомментариев: «А вот такая совсем блатная песня из спектакля „Микрорайон". Это нам в наследство от старого Театра драмы и комедии осталось. Это тема одного человека, парня, который вернулся из заключения и продолжает заниматься нехорошими делами. <...> Это такая „Вестсайдская история" на современный лад». (1965)

Из интервью В. С. Золотухина Л. Лебединой для газеты «Труд», 25 января 2003: «В то время я работал в Театре имени Моссовета, но уже знал, что скоро мы с женой (Ниной Шацкой) будем играть на Таганке. Тогда я пришел посмотреть один из старых спектаклей долюбимовского театра — „Микрорайон" в постановке Петра Фоменко. На сцену вышел очень симпатичный актер и под гитару запел:

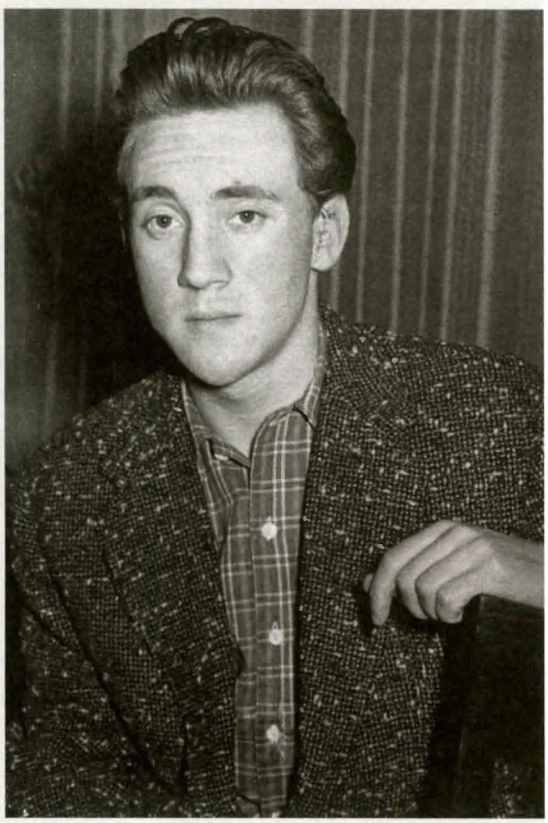
> В тот вечер я не пил, не пел —
> Я на нее вовсю глядел,
> Как смотрят дети, как смотрят дети.
> Но тот, кто раньше с нею был,
> Сказал мне, чтоб я уходил,
> Сказал мне, чтоб я уходил,
> Что мне не светит.

И дальше: „Ударил первым я тогда, так было надо". Для меня это был настоящий шок. В то время, когда все играли советские пьесы, где одни положительные герои боролись с другими положительными героями, я вдруг услышал такой „обалденный" текст. Как выяснилось потом, исполнителем песни был Алексей Эйбоженко, а ее автором Высоцкий».

...Они стояли молча в ряд —
Их было восемь. — Реминисценция из рассказа И. Бабеля «Конкин» («нас двое, а их восемь»). Творчеством Бабеля Высоцкий одно время очень увлекался, многие его рассказы знал наизусть. Как указывает А. В. Скобелев, сходное соотношение противников встречается в романах А. Дюма: «— Нам остается две недели, — говорил он друзьям. — Что ж, если к концу этих двух недель я ничего не найду или, вернее, если ничто не найдет меня, то я, как добрый католик, не желающий пустить себе пулю в лоб, затею ссору с четырьмя гвардейцами его вы-

сокопреосвященства или с восемью англичанами...» («Три мушкетера», речь Атоса.) « — Скажите на милость, что могут сделать двое невооруженных людей против восьми вооруженных? <...> — Восемь! — сказал Атос. — Меня удивляет, что такие храбрецы, как д'Артаньян и Портос, не могли справиться с восемью противниками». («Двадцать лет спустя».) «— Что же ты намерен сделать, Перро? — спросил господин де Монтгомери. — Ты видишь, что нас двое, а их восемь...» («Две Дианы», глава XXIII.)

Из рассказа друга юности Высоцкого А. С. Макарова в интервью В. К. Перевозчикову: «В 53-м году в Каменске меня очень сильно „измордовали". В темной подворотне пробили череп в двух местах, а потом стали резать... Очень крепко они меня отделали... Так вот — их было восемь...»



Володя Высоцкий, 1956

Мне кто-то на́ плечи повис,
Валюха крикнул: «Берегись!»,
Валюха крикнул: «Берегись!»,
Но было поздно.

За восемь бед — один ответ.
В тюрьме есть тоже лазарет, —
Я там валялся, я там валялся.
Врач резал вдоль и поперек,
Он мне сказал: «Держись, браток!»,
Он мне сказал: «Держись, браток!», —
И я держался.

Разлука мигом пронеслась.
Она меня не дождалась,
Но я прощаю, ее — прощаю.
Ее, как водится, простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Не извиняю,
Ее, конечно, я простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Я повстречаю!

<начало 1962>

* * *

Люди говорили морю: «До свиданья».
Чтоб приехать вновь они могли,
В воду медь бросали, загадав желанья, —
Я ж бросал тяжелые рубли.

Может, это глупо, может быть, не нужно, —
Мне не жаль их, я ведь не Гобсек, —
Ну а вдруг найдет их совершенно чуждый
По мировоззренью человек?

Он нырнет, отыщет, радоваться будет,
Удивляться первых пять минут,
После злиться будет: «Вот ведь, — скажет, — люди!
Видно, денег — куры не клюют».

Будет долго мыслить головою бычьей:
«Пятаки, понятно, это медь...
Ишь, рубли кидают — завели обычай!
Вот бы гаду в рожу посмотреть!»

Что ж, гляди, товарищ! На! Гляди, любуйся!
Только не дождешься, чтоб сказал,
Что я здесь оставил, как хочу вернуться
И, тем боле, — что я загадал!

<1962, до июля>



Я ж бросал тяжелые рубли. — В 1961 в связи с денежной реформой в СССР были выпущены монеты достоинством 1 рубль. Изготавливались из медно-никелевого сплава. Диаметр 26 мм. Вес 7,5 г. До этого монеты достоинством 1 рубль в СССР выпускались только в 1922 и 1924.

Гобсек — герой одноименной повести О. де Бальзака, скупец, скряга, накопитель.

...совершенно чуждый
По мировоззренью человек? —
Риторическое клише советского агитпропа.

Пятак — мелкая разменная монета СССР достоинством 5 копеек.

Медь — собирательное наименование разменных монет СССР достоинством 1, 2, 3 и 5 копеек, восходит к дореволюционному времени, когда в России монеты аналогичного достоинства чеканились из меди. В СССР разменные монеты чеканились из латуни.





Грустный романс

Посвящаю песню любимой женщине

Я однажды гулял по столице — и
Двух прохожих случайно зашиб,
И, попавши за это в милицию,
Я увидел ее — и погиб!

Я не знаю, что там она делала —
Видно, паспорт пришла получать —
Молодая, красивая, белая...
И решил я ее разыскать.

Шел за ней — и запомнил парадное.
Что сказать ей? Ведь я ж хулиган...
Выпил я и позвал ненаглядную
В привокзальный один ресторан.

Ну а ей улыбались прохожие,
Мне хоть просто кричи: «Караул!»
Одному человеку по роже я
Дал за то, что он ей подморгнул.

Я икрою ей булки намазывал,
Деньги просто рекою текли,
Я ж такие ей песни заказывал!..
А в конце заказал «Журавли».

Обещанья я ей до утра давал,
Повторял что-то вновь ей и вновь.
«Я ж пять дней никого не обкрадывал,
Моя с первого взгляда любовь!»

Говорил я, что жизнь потеряна,
Я сморкался и плакал в кашне.
А она мне сказала: «Я верю вам
И отдамся по сходной цене».

Другое название песни — «Городской романс».

Из выступления Владимира Высоцкого: «Очень грустная песня. Про то, как первый раз полюбил парень». (1965)

В начальном варианте события развивались по-другому, и расставание состоялось по причине несовершеннолетия героини:

А она хороша — кофта с напуском,
Круглолицая, словно луна!
Нас швейцар не хотел в ресторан пускать:
Очень уж молодая она!

Я ей булочки маслом намазывал,
И часы, как минуты, текли,
Я такие ей песни заказывал!..
А в конце заказал «Журавли».

А она становилась все бдительней
И с опаской глядела вокруг...
Понял я, что боится родителей
Мой почти что испытанный друг.

Городской романс — песенный жанр городского фольклора с надрывным мелодраматическим сюжетом.





Видно, паспорт пришла получать... — До 1974 выдача паспортов гражданам СССР регулировалась постановлением ЦИК и СНК от 27 декабря 1932 «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов», Положением о паспортах и соответствующими подзаконными актами и специальными инструкциями. В 1953, 1958, 1962 вносились изменения, касавшиеся отмены репрессивных ограничений для отдельных категорий граждан. Паспорт выдавался гражданам, достигшим 16 лет.



Петр Лещенко

«Журавли» — популярная в 1950-х ресторанная песня, приписываемая певцу русской эмиграции Петру Лещенко. По словам Игоря Кохановского, «Журавли» и многие песни Лещенко и «под Лещенко» постоянно крутили на катке «Динамо», на который регулярно ходил и Владимир Высоцкий. Была известна по подпольным записям в исполнении «под Лещенко» Николая Маркова и «Джаза табачников». По свидетельству А. Е. Крылова и А. В. Кулагина, сохранилась фонограмма исполнения Высоцким фрагмента «Журавлей».

Здесь под небом чужим я, как гость нежеланный,
Слышу крик журавлей, улетающих вдаль.
Сердце бьется сильней, летят птиц караваны.
В дорогие края провожаю их я.
Вот все ближе они и все громче рыданья.
Словно скорбную весть мне они принесли.
Из какого же вы из далекого края
Прилетели сюда на ночлег, журавли?

Дождик, холод, туман, непогода и слякоть,
Вид унылых людей из угрюмой земли.
Ах, как больно душе, как мне хочется плакать...
Перестаньте рыдать надо мной, журавли!

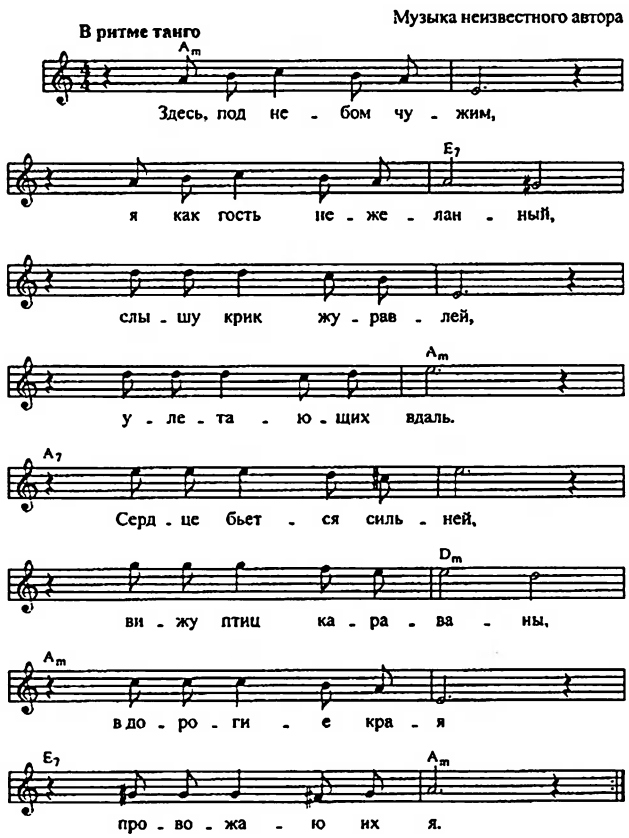
Пронесутся они мимо скорбных распятий,
Мимо древних церквей и больших городов...
А прибудут они, им откроют объятья
Молодая весна и Россия моя...

Я ударил ее, птицу белую,
Закипела горячая кровь.
Понял я, что в милиции делала
Моя с первого взгляда любовь...

<осень–зима 1963>

ЖУРАВЛИ
(вариант)

Музыка неизвестного автора



Наводчица

Геннадию Яловичу

«Сегодня я с большой охотою
Распоряжусь своей субботою,
И если Нинка не капризная —
Распоряжусь своею жизнью я».

«Постой, чудак! Она ж наводчица!
Зачем?» — «Да так, уж очень хочется».
«Постой, чудак! У нас компания,
Пойдем в кабак — зальем желание». —

«Сегодня вы меня не пачкайте,
Сегодня пьянка мне до лампочки!
Сегодня Нинка соглашается —
Сегодня жизнь моя решается».

«Ну и дела же с этой Нинкою —
Она ж жила со всей Ордынкою,
И с нею спать — ну кто захочет сам?» —
«А мне плевать — мне очень хочется.

Сказала любит, — все, заметано!»
«Отвечу рубль за сто, что врет она:
Она ж того, ко всем ведь просится...» —
«А мне чего — мне очень хочется!»

«Она ж хрипит, она же грязная,
И глаз подбит, и ноги разные,
Всегда одета как уборщица...» —
«Плевать на это — очень хочется!

Все говорят, что не красавица,
А мне такие больше нравятся.
Ну что ж такого, что наводчица?
А мне еще сильнее хочется».

<1964, до 18 июля>

Из выступления Владимира Высоцкого: «Еще одна песня про шалаву». (1965)

Из воспоминаний В. О. Абдулова: «Я знаю, что в письмах Люсе Абрамовой из Айскраукле Володя написал, что только-только сочинил песню про Нинку-наводчицу. Но все же уверен, и есть очевидец того случая, что Володя написал ее в Москве, на Пушкинской улице, в доме Жени Баранкина, замечательного скрипача, который тогда жил в коммуналке. Это было до выезда в киноэкспедицию, холодной ночью, значит, в апреле или мае (хотя, конечно, не исключено, что и в июне). Мы сидели у Жени. Отмечали какое-то событие или просто так собрались, сказать не могу, только в три часа ночи кончилась водка. А в начале 60-х на радость всем нам работало кафе „Арарат", куда ночью в любое время можно было постучаться и увидеть двух швейцаров с благородными, честными лицами: — Сколько? Ты говорил сколько, хоть ящик! — и тут же получал требуемое количество бутылок. По пять рублей (при госцене, напомню, 2, 87). Пошли мы с Володей в „Арарат" и остановились у автоматов с газированной водой... Приблизились мы к автоматам, как вдруг Володя отошел в сторону, произнеся:

— Постой, чудак, она ж наводчица...

Потом мы зашли в „Арарат", отоварились, возвратились к Баранкину, и Володя спросил:

— Жень, где мне здесь присесть? Нужно кое-что записать.

Отошел в угол, а буквально через пятнадцать минут спел нам ту самую „Нинку"».



Из письма Ж. Перельман Л. Наделю: «Я хотела бы внести мой скромный вклад в спор о создании песни „Нинка". Мой покойный муж был другом Жени Баранкина и Севы Абдулова и через них был знаком (в основном пил) с Володей. После одного из его визитов в Москву (мы жили в Киеве) он рассказал мне историю создания „Нинки". Она повторяет рассказанное Севой. Очевидно, мой муж вместе с ними отправился добывать водку, а когда возвращались в Женину коммуналку (в которой я много раз бывала с ними), у двери в доме стояла „та" женщина. Володя сказал: „Постой, чудак, она наводчица!" — и мой муж ответил: „Плевать на это, очень хочется". После этого Володя сразу написал песню и спел им».

Из письма Владимира Высоцкого жене, Л. В. Абрамовой, со съемок фильма «На завтрашней улице» 18 июля 1964: «А вообще скучно... Читать нечего. Дописал песню про „Наводчицу". Посвятил Яловичу. Ребятам нравится, а мне не очень. Работать над Бабелем нельзя — мешают. В следующем письме напишу тебе песню».

В письме Высоцкого Л. В. Абрамовой от 18 июля 1964 приводится текст песни без последнего куплета, что говорит о том, что и в Айскраукле песня была еще не дописана. Что же касается Всеволода Абдулова, то он, скорее всего, мог слышать начальные куплеты, первый вариант песни, такое у Высоцкого случалось часто: иногда тексты вынашивались годами и даже фрагментарно исполнялись.

Геннадий Михайлович Ялович (1937—2002) — советский, российский актер театра и кино, театральный режиссер, народный артист России. Однокурсник Высоцкого по Школе-студии МХАТ.

Наводчица — пособница преступников, сообщающая им необходимую информацию об объектах и жертвах готовящихся преступлений (ограблений, мошеннических акций и т. п.). Обычно не принадлежит непосредственно к уголовному миру, но сотрудничает за вознаграждение.

«Пойдем в кабак — зальем желание». — Неожиданный комментарий к этим строкам дал автор брошюры «Молодым супругам» Н. М. Ходаков (2-е изд, М., 1974): «Действие алкоголя на половое влечение весьма тонко подметил поэт, писавший: „Пойдем в кабак, зальем желание". Стремление к интимной близости очень легко ликвидировать: для этого достаточно сильного алкогольного опьянения».



Геннадий Ялович и Владимир Высоцкий в Школе-студии МХАТ, 1960

Ордынка — район Москвы в Замоскворечье, прилегающий к улицам Большая Ордынка и Малая Ордынка.



О нашей встрече

О нашей встрече — что там говорить!
Я ждал ее, как ждут стихийных бедствий,
Но мы с тобою сразу стали жить,
Не опасаясь пагубных последствий.

Я сразу сузил круг твоих знакомств,
Одел, обул и вытащил из грязи.
Но за тобой тащился длинный хвост —
Длиннющий хвост твоих коротких связей.

Потом, я помню, бил друзей твоих —
Мне с ними было как-то неприятно,
Хотя, быть может, были среди них
Наверняка отличные ребята.

О чем просила — делал мигом я.
Мне каждый час хотелось сделать ночью брачной.
Из-за тебя под поезд прыгал я,
Но, слава богу, не совсем удачно.

И если б ты ждала меня в тот год,
Когда меня отправили на «дачу»,
Я б для тебя украл весь небосвод
И две звезды кремлевские в придачу.

И я клянусь — последний буду гад!
Не ври, не пей — и я прощу измену,
И подарю тебе Большой театр
И Малую спортивную арену.

А вот теперь я к встрече не готов:
Боюсь тебя, боюсь ночей интимных,
Как жители японских городов
Боятся повторенья Хиросимы.

<1964, осень>

Из воспоминаний первой жены поэта, И. К. Высоцкой: «Я была у своей подружки, Греты Ромадиной, на Ленинградском проспекте. Шла по бульвару и чувствую: кто-то мне сверлит затылок. Оборачиваюсь — никого нет. Я прихожу к Ромадиной, и тут же телефонный звонок. Она говорит: „Звонит Высоцкий, он говорит, что он тебя видел из троллейбуса". И тогда они приехали с Кариной Диадоровой и привезли мне песню „О нашей встрече что и говорить". Я не говорю, что она посвящена мне — не было посвящения, но он клялся, что он ее только что сочинил. И Кариша говорит, что действительно он ее только что у нее на глазах сочинил.

У меня был автограф. Я сначала шибко обиделась на всякие „длинные хвосты" и прочую подачу материала. Но потом сказала: „Перепиши текст". И он переписал. Но он утерян».

Когда меня отправили на «дачу» (*жарг.*) — в места лишения свободы.



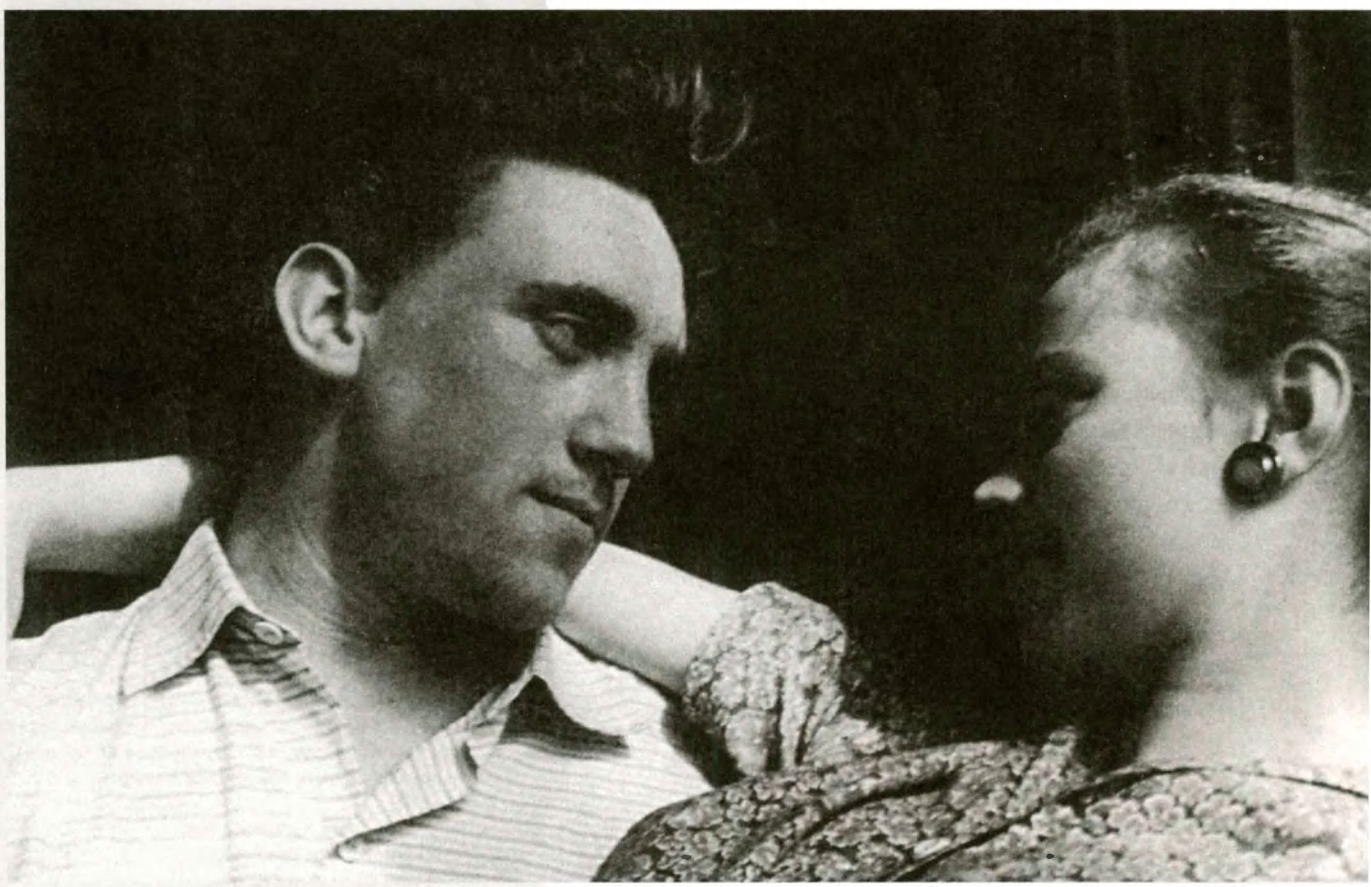
И две звезды кремлевские в придачу... — Рубиновые звезды из красного стекла на пяти башнях Московского Кремля были установлены в 1937 по проекту архитектора Ф. Ф. Федоровского, главный инженер А. Ланд (Фишелевич). Расстояние между концами лучей — от 3 до 3,75 м. Площадь остекления каждой звезды около 6 м^2, масса — около 1 т. Внутри звезды оборудованы лампами мощностью 3000 и 5000 Вт. Свет кремлевских звезд в хорошую погоду виден на расстоянии примерно 10 км.

Большой театр — Государственный академический Большой театр оперы и балета в Москве, старейший театр России. Построен в 1825 по проекту архитектора О. Бове. После пожара 1853 перестроен архитектором А. Кавосом. Большая сцена театра рассчитана на 400 мест.



Малая спортивная арена — спортивное сооружение, входящее в состав спортивного комплекса «Лужники». Построена в 1956. Первоначально представляла собой открытый стадион с деревянной площадкой 73×42 м, предназначенной для проведения соревнований по различным видам спорта и концертно-зрелищных мероприятий. Вместимость трибун — 15,5 тысячи зрителей.

Как жители японских городов
Боятся повторенья Хиросимы... —
Имеется в виду атомная бомбардировка японских городов Хиросима и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 авиацией США.



Владимир Высоцкий и Изольда Высоцкая

Блатная «цыганочка»

Она во двор — он со двора:
Такая уж любовь у них,
А он работает с утра,
Всегда с утра работает.

Ее и знать никто не знал,
А он считал пропащею.
А он носился и страдал
Идеею навязчивой:

У ней отец — полковником,
А у него — пожарником.
Он, в общем, ей не ровня был,
Но вел себя охальником.

Роман случился просто так,
Роман так странно на́чался:
Он предложил ей четвертак —
Она давай артачиться...

А черный дым все шел и шел,
А черный дым взвивался вверх,
И так им было хорошо,
Любить ее он клялся век!

А клены длинные росли —
Считались колокольнями,
А люди шли, а люди шли,
Путями шли окольными.

Какие странные дела
У нас в России лепятся!
А как она ему дала,
Расскажут — не поверится...



Михаил Анчаров

Песня написана после знакомства с Михаилом Анчаровым. Высоцкому очень нравилась его песня:

Она была во всем права.
И в том, чего не делала.
А он считал, что он был прав,
И были губы белые...

Вероятно, написано для какого-либо спектакля или фильма — в начальной версии текста главный герой назван Четыре Глаза, что истолковывается как очкарик, либо упомянута конкретная кличка.

Четыре Глаза — пьяный был,
И просто очень нравилась,
И бить ее — почти не бил,
Ну просто позабавились.

И твердый ком во рту стоял,
Но руки надо деть куда,
А после драки целовал
Ее в разбитые уста.

Михаил Леонидович Анчаров (1923–1990) — советский писатель, поэт, бард, драматург, сценарист и художник. Из воспоминаний М. Анчарова: «Однажды мне принесли пленку с записью одного московского менестреля. Меня поразили и голос, и эмоциональная напряженность, и манера исполнения: чувствовалась талантливая рука. Я спросил, кто этот парень. Мне сказали — Владимир Высоцкий. Тогда он только-только начинал петь... А потом мы встретились с ним в Московском доме ученых на каком-то учено-артистическом мероприятии с участием, как это теперь принято говорить, „интересных людей" (...твою мать! Как будто бы есть неинтересные!). Он сидел в другом конце зала, ему кто-то что-то сказал на ухо и кивнул на меня: вон тот, мол. Владимир тут же подошел ко мне — за спиной гитара, на лице сдержанная улыбка: „Так это вы и есть Анчаров?" Я говорю — ага. „Тот самый?" Тот самый. „А я, — говорит, — на ваших песнях учился, я их давно знаю и пою, могу хоть сейчас спеть." Петь, говорю, не надо, а то нас выставят из Дома ученых — у вас ведь голос ого какой!.. Весь вечер мы проговорили с ним о песнях. Много спорили, что-то доказывали друг другу».

Цыганочка — танец русских цыган, известен также как «цыганская венгерка», появился в XIX веке.

Охальник — (*разг.*) нахал, бесстыдник.



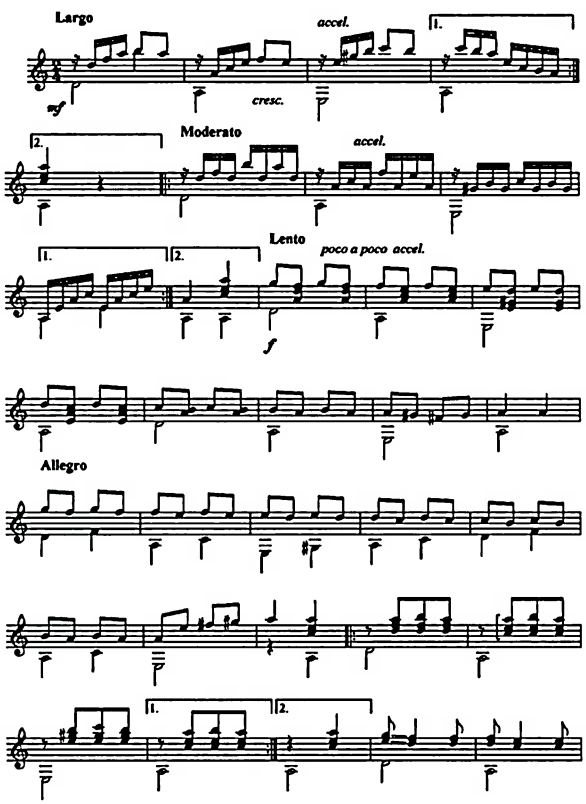
Четвертак — двадцать пять рублей.

А после дела темного,
А после дела крупного
Искал места укромные,
Искал места уютные.

И если б наша власть была
Для нас для всех понятная,
То счастие б она нашла,
А нынче — жизнь проклятая!..

<1965, до апреля>

Цыганочка
народная мелодия



Книжка с неприличным названьем

То была не интрижка,
Ты была на ладошке,
Как прекрасная книжка
В грубой суперобложке.

Я влюблен был как мальчик,
С тихим трепетом тайным
Я листал наш романчик
С неприличным названьем.

Были клятвы, угрозы —
Все одни и все те же.
В основном была проза,
А стихи были реже.

Твои бурные ласки
И все прочие средства —
Это страшно, как в сказке
Очень раннего детства.

Я надеялся втайне,
Что тебя не трепали.
Но тебя, как в читальне,
Очень многие брали.

Мне сказали об этом —
Можешь мне и не верить! —
Под огромным секретом
Человек сорок девять.

Проскочить бы мне свадьбу,
Я молю Христом Богом,
Да скорей прочитать бы
Мне конец с эпилогом.



Песня написана на одном листе с песнями «Дайте собакам мяса» и «На мой на юный возраст не смотри». Другое название: «Про хорошую книжку». Куплет про «человек сорок девять» исполнялся крайне редко, но это число у Высоцкого упоминается особо: во-первых, одна из самых первых песен была про 49 дней, во-вторых, он часто говорил, что стремится написать 49 спортивных песен — по количеству шаров в спортлото.

По наблюдению А. В. Скобелева, сравнение женщины с книгой имеет давнюю культурную традицию. Из ближайших по времени культурных текстов, на которые обращает внимание исследователь, — прозаический текст оперетты «Летучая мышь», написанный Н. Эрдманом в 1947, в котором Генрих Айзенштейн заявляет, что жена для него — прочитанная книга, которую можно беречь, переплетать, но читать ее уже не интересно.

...романчик с неприличным названьем. — Возможно, имеется в виду роман Э. Золя «Нана» о знаменитой парижской проститутке времен Второй империи.



Владимир Высоцкий в Дубне, февраль 1979

И дождаться б мне мига,
Когда я с опозданьем
Сдам с рук на руки книгу
С неприличным названьем.

<1965, до апреля>

* * *

Катерина, Катя, Катерина!
Все в тебе, ну все в тебе — по мне!
Ты, как елка, стоишь рупь с полтиной,
Наряди — поднимешься в цене.

Я тебя одену в пан и в бархат,
В пух и в прах, и в бога душу — вот!
Будешь ты не хуже, чем Тамарка —
Что лишил я жизни в прошлый год.

Ты не бойся, Катя, Катерина!
Наша жизнь — как речка потечет.
Что там жизнь! Не жизнь наша — малина,
Я ведь режу баб не каждый год.

Катерина! Хватит сомневаться!
Разорву рубаху на груди —
Вот им всем! Поехали кататься...
Панихида будет впереди!

<1965, до 2 февраля>

Из письма Владимира Высоцкого в ЦК КПСС 9 июня 1969: «Свои ранние песни я исполнял в очень узком кругу и рассматривал их как поиски жанра и упрощенной формы. Их широкое распространение не соответствовало моим творческим задачам. Это были мои „лабораторные опыты". К сожалению, некоторые люди использовали их в каких-то неизвестных мне целях, и более того, до сих пор фабрикуются фальшивки и подделки „под Высоцкого". Мне довелось самому слышать эти подделки, сляпанные на крайне низком художественном уровне, убогие по содержанию и примитивные по форме, — „лишь бы хриплым голосом". Я категорически отказываюсь от участия в этих опусах. Мои ранние песни в течение последних лет не исполнялись мною даже в узком кругу».

Ты, как елка, стоишь рупь с полтиной... — Имеется в виду новогодняя елка.

Я тебя одену в пан и в бархат... — панбархат, шелковая ткань, род тонкого гладкого бархата.

Панихида — поминальная служба в церкви.





Владимир Высоцкий на премьере спектакля «Преступление и наказание»

Литературно-художественное издание

ВЫСОЦКИЙ ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ

Я БЫЛ ДУШОЙ ДУРНОГО ОБЩЕСТВА...

Ответственный редактор *Максим Медведев*
Художественный редактор *Анна Михалева*
Корректоры *Алевтина Борисенкова, Евгения Старкова*
Верстка *Анны Михалевой*

Подписано в печать 10.10.2011.
Формат издания 84×100 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,48. Тираж 120 000 экз.
Изд. № 10416. Заказ № 8586.

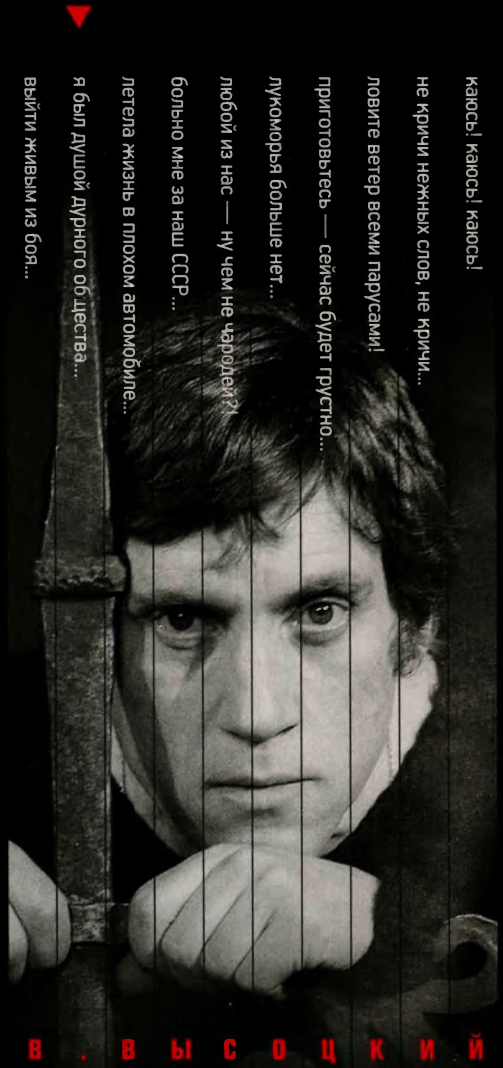
Издательство «Амфора».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197110, Санкт-Петербург,
наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.
www.amphora.ru, e-mail: secret@amphora.ru

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь.
www.pareto-print.ru

ВЫСОЦКИЙ

СПАСИБО, ЧТО ЖИВОЙ

ВЕСЬ ВЫСОЦКИЙ





ДИРЕКЦИЯ КИНО

ф | амфора
amphora.ru

9 785367 021097
ISBN 978-5-367-02109-7

В оформлении первой полосы обложки использована фотография из архива Александра Стернина.
В оформлении корешка и четвертой полосы обложки использована фотография Валерия Плотникова.